

5767

Юный Натуралист

1984

8

ЛЕТОИТЬ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

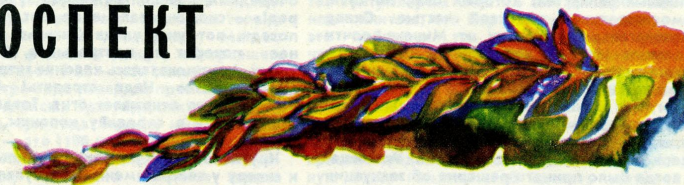
Нынешней весной в городе-герое Минске открылась Всесоюзная вахта памяти, посвященная 40-летию Победы над фашизмом. Жестокая цена у войны: двадцать миллионов жизней унесла она. И память о тех, кто ценой собственной жизни отстоял мир на земле,— это долг и совесть всех живущих сегодня. И не случайно юные натуралисты страны закладывают в честь героев сады и парки, ухаживают за могилами и обелисками, окружают ветеранов заботой.

Каждодневную трудовую вахту мира несет на своих рабочих местах молодое поколение нашей страны. В состав комсомольско-молодежных коллективов включены герои Великой Отечественной войны.

В городе-герое Минске открылась Всесоюзная вахта памяти. А недавно город отметил славную дату: сорок лет назад он был освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

Много подвигов, свершенных советскими людьми, помнят улицы этого города.

ПАРТИЗАНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Когда худощавый, с благородным лицом, испещренным глубокими иероглифами морщин, старый танкист Дмитрий Иванович Малько отправляется с внуком на прогулку по воскресному Минску, то путь от микрорайона Дражня, где он теперь живет, к центру города идет по длинному и светлому Партизанскому проспекту. Для ветерана такая прогулка всегда повторение беспримерного рейда, который он совершил на краснозвездном танке Т-28.

В июле сорок первого года Дмитрий Иванович вел танк на прорыв через... запруженный врагами Минск... А ровно через три года на боевой бронированной машине Т-34 он освобождал Минск.

В этом поистине великий смысл: жить в городе, в котором ты наверняка мог не жить, в котором любая площадь, любая пядь улицы

могла стать твоей могилой. Жить там, откуда в любую пору жизни — и когда подрастает твой сын, и когда подрастает твоя дочь, и когда уже внук составляет тебе компанию в воскресных прогулках — ты всегда едешь к центру города той дорогой, что начал твой танк, ты едешь длинным, таким длинным Партизанским проспектом... Он лег бесценной наградой за твой подвиг, танкист, этот светлый проспект прекрасного города, возникшего на пепелище.

И мы, дети войны, познавшие братство партизанских землянок и спустя десятилетие приехавшие учиться в университет, — мы тоже, рассказывая дивными улицами нового Минска, слышали не раз легенду о советском танке, промчавшемся на пятый день после захвата города гитлеровцами чуть ли не через весь Минск. Легенда имела свидетелей, но до

Юный 1984 **8**
Натуралист

Ежемесячный научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Журнал основан в 1928 году. Издательство «Молодая гвардия».

поры до времени невозможно было установить: кто же те герои, сражавшиеся в танке и успевшие выбраться из загоревшейся машины! Наверное, скромность оставшихся в живых воинов не позволила сразу же после войны легенде стать героической былью. Ведь воин тогда считал будничным делом то, что для нас сейчас определяется подвигом, высшей доблестью...

В тот далекий теперь день — 3 июля 1941 года краснозвездный танк открыл начальную страницу в героическом повествовании о трехлетнем сопротивлении, трехлетней борьбе минских подпольщиков!

До войны Дмитрий Малько боролся с фашистами в Испании, под Мадридом, затем вернулся в свою часть. Когда развернулись бои советских и монгольских войск против японских захватчиков, Дмитрий Малько оказался в Монголии. А потом танкист принимал участие в освободительном походе в Западную Белоруссию. Началась война с белофиннами — и опять танкист сражается.

Накануне Великой Отечественной старший сержант сверхсрочной службы Дмитрий Малько заведовал хранилищем автобронетанковых запчастей, который был, по сути, самостоятельной воинской частью. Склад располагался неподалеку от Минска, почти у самого Могилевского шоссе, что потом, спустя годы, обретет новое название — Партизанский проспект.

Тогда, в начале войны, события складывались драматично. Пока не поступало приказа на эвакуацию склада, воины несли службу здесь, под Минском, в Красном Урочище. А когда было принято решение об эвакуации склада и механик-водитель Дмитрий Малько повел танк Т-28 вместе с отходящими частями, в пути случилась непредвиденная задержка. И вот одна из многочисленных перипетий первого года войны: трое молодых курсантов полковой танковой школы, курсант полковой артиллерийской школы Николай Педан и майор с пехотными петлицами, у которого Дмитрий Малько не осмелился спросить фамилию, составили экипаж танка. Пока помогали другим танкистам вытаскивать технику, оказались отрезанными наступающими фашистами. На исходе было горючее, не было боеприпасов. Тогда Дмитрий Малько повел танк туда, где располагался склад. Здесь не нашлось ничего, и Дмитрий Малько направил танк в сторону построек кавалерийской части, что находились за военным городком, в Красном Урочище. Две бочки с бензином, одна с машинным маслом, снаряды для танковой пушки и цинковые ящики с патронами — с этими запасами можно было догонять своих. Но оказалось, что шоссе на Могилев перерезано и танк попал в окружение. Значит, нужно прорваться к своим, которые теперь, возможно, в районе Борисова!

— Есть две дороги, — сказал Дмитрий

Малько. — Одна — через Апчак и Смолевичи. Другая — через Минск.

— Да, через Минск, — согласился майор. — Там немцы. Но они теперь кругом, придется пробиваться с боем.

— А пробиваться надо там, где фашисты меньше всего ждут, — поддержал Николай Педан. — А если проскочим с боем...

— Если проскочим через Минск, то по Московскому шоссе двинемся к Борисову. Готовьте машину! — распорядился майор.

И тронулась машина. Туда, к центру Минска, на его улицы, где каждый квартал будет даваться с боем.

Только показались первые фашисты, заговорили пулеметы танка.

Рассеяв противника, двинулись к деревянному мосту через реку Свислочь. Малько, опасаясь, что мост не выдержит тридцатитонную машину, хотел сбавить скорость, но майор дал сигнал нести быстрее вперед. Едва проскочили мост, как он тут же рухнул. Свернули на Гарбарную улицу, подъехали к Червеньскому рынку — навстречу катят два грузовика с солдатами. Курсанты ударили из пулеметов — немцы, сраженные первыми очередями, повалились на дно кузова. «Вперед!» — командовал майор. Вот уже рынок позади, вот уже улица Энгельса, скоро с нее поворот на центральную, Советскую улицу. А тут показалась колонна гитлеровских мотоциклистов. Надо стрелять! А майор почему-то не открывает огня. Тогда Малько бросил танк в середину колонны. И вновь заработали пулеметы...

Крутой подъем по улице Энгельса вывел к скверу у театра имени Янки Купалы. Опять немцы. Опять курсанты припали к пулеметам. Миновали сквер, миновали Дом Красной Армии. На перекрестке майор подал Малько сигнал, чтобы он разворачивал танк вправо, на Пролетарскую улицу. А на ней... почти вся проезжая часть была запружена техникой: грузовики, автоцистерны в несколько рядов. Неподалеку, на берегу Свислочи, стояли танки, орудия. Майор тотчас занял место у пушки и стал стрелять из нее по колонне, затрещали и пулеметы танка. От прямых попаданий взметнулись над вражеской колонной черные клубы дыма, и казалось — вся улица запылала. Малько готов был в любое мгновение направить машину туда, где был еще свободен путь. А пока он выжидал: пушка и пулеметы танка превратили в железный лом вражескую технику, кругом по Пролетарской все пылало, и всюду были тела убитых врагов. Колонна была разгромлена!

Майор отдал команду двигаться дальше, и механик-водитель вывел танк на Советскую улицу. Майор меж тем, обнаружив в парке имени Горького множество танков, грузовиков и самоходок, открыл огонь из пушки — и там, в парке, стали взрываться боеприпасы, тутим, комковатым пламенем вспыхнула цистерна с бензином. Надо было уходить!

— Полный вперед! — подал команду майор.

Малько в смотровую щель различал: позади уже Круглая площадь, а вот и бревенчатая Комаровка показалась, откуда каких-нибудь два километра до улицы Пушкина, до окраины Минска, а там — шоссе. И тут, когда проносилась мимо Комаровка, танк сотрясло взрывом, и Малько догадался: снаряд угодил в моторное отделение. Танк загорелся. Вдруг второй снаряд сотряс машину. Осколок, влетевший в смотровую щель, попал Малько в лоб.

— Покинуть машину! — послышался голос майора. Он выскочил из танка, за ним — двое курсантов...

Из последних сил Дмитрий бежал по улице. Очнулся в каком-то огороде и не мог понять, как попал сюда. А потом — трехнедельный путь по вражеским тылам, пока случайно с новыми боевыми товарищами не повстречал, выйдя из окружения, своих сослуживцев со склада. Потом была боевая учеба в Москве, бой под Наро-Фоминском, под Сталинградом, под Харьковом. Не раз он горел в танках, бывал ранен и снова сражался. А 3 июля 1944 года Дмитрий Малько в составе 4-й танковой бригады ворвался в Минск. Как только танкисты въехали на Комаровку, Малько узнал тут, на развилке улиц, в обгоревшем остове танка свой Т-28 — тот самый, на котором ровно три года назад он пронесся почти через весь Минск... Три года оккупации, три года войны, три года борьбы минских подпольщиков — это 1100 дней и ночей мужества патриотов. Их подвиг увенчан золотой наградой: Минску присвоено почетное звание «город-герой».

Теперь, когда внук на воскресной прогулке уточняет у Дмитрия Ивановича курс его танка, дед понимает, что внук, красный следопыт, давно все знает в подробностях, лишь хочет услышать легендарную быль снова. И Дмитрий Иванович рассказывает.

А сам в это время думает о том, что рейд танка по оккупированному Минску словно пробудил для борьбы тысячи патриотов. И вникает внуку, который, продолжая его

мысль, рассказывает о многом, что известно ему, красному следопыту.

Проваливалось одно минское подполье — создавалось второе. Враги разгромят второе подполье — а оставшиеся в живых мстители, разобщенные на многочисленные группы и горящие одной и той же ненавистью к поработителям, создадут новый, третий состав подпольного горькома партии.

За три года борьбы подпольщики Минска совершили более полутора тысяч диверсий, вывели из города в леса несколько тысяч военнопленных и минчан, помогли создать пятьдесят партизанских отрядов и бригад, которые так блокировали Минск, что фашисты вынуждены были защищаться все эти три года.

Партизанский проспект! Теперь это не только бесконечный ансамбль светлых высоких зданий, теперь это еще и средоточие столичной промышленности. К проспекту примыкают и мотовелозавод, и кондитерская фабрика «Коммунарка», и тракторный, и шарикоподшипниковый, и автомобильный заводы, а также тот моторный завод, на котором Дмитрий Иванович Малько многие годы работал контролером ОТК. Но сам Дмитрий Иванович считает, что Партизанский проспект — это побратим тех возрожденных улиц, что названы именами Героев Советского Союза минских подпольщиков И. Казинца, Н. Кедышко, В. Омельянюка, И. Кабушкина, Е. Клумова...

Празднуют сорокалетие освобождения Минска старые воины. А внуки старых воинов, красные следопыты, заступившие на Всесоюзную вахту памяти, чтоб сделать святейшей каждую пядь земли, обгавленную кровью советского солдата, понимают: стали дедками старые танкисты, старые летчики, старые воины, но за далью лет не меркнет их былая доблесть. И наступает для красных следопытов пора гражданского мужания, и внуки осознают, какие прекрасные города, какие Партизанские проспекты и улицы, названные именами героев, подарили нам старые танкисты, старые летчики, старые воины...

Эдуард КОРПАЧЕВ

КОЛОСОК

«Салют, мир!» — так называется Международная акция пионеров социалистических стран, посвященная 40-летию Победы над фашизмом во второй мировой войне.

Участвуя в этой акции, пионеры нашей страны в пионерских лагерях, в лагерях труда и отдыха, в Домах и Дворцах пионеров проводят ярмарки солидарности и трудовые десанты с перечислением заработанных средств в Международный фестивальный фонд. Клубы интернациональной дружбы организуют конкурсы политического плаката, а пионерские агитбригады выступают с концертами политической песни. В «Артеке» стартует Международная эстафета детских организаций Европы. Участие в ней советских пионеров проходит тоже под девизом Международной акции пионеров социалистических стран — «Салют, мир!».

Тимуровские отряды, пионерские группы красных следопытов шефствуют над ветеранами Великой Отечественной войны. Фронтники ребята окружили заботой и вниманием. И дело здесь не столько в помощи по хозяйству, сколько в живом, неподдельном интересе к военным судьбам участников Великой Отечественной войны, к пройденному пути защитников Родины.

Немало интересных дел в ходе акции «Салют, мир!» проводят и юннаты. Уход за могилами воинов, подготовка к осенним посадкам парков памяти, закладка оранжей, в которых будут выращены цветы — подарки фестивалю.

1 июня, в Международный день защиты детей, газета «Пионерская правда» опубликовала открытку с призывом «Мы хотим мира!». Пионеры страны получили задание, уходя на каникулы, вырезать ее из газеты, собрать подписи и отправить в редакцию «Пионерской правды». Эта открытка составлена на основе призыва президиума СИМЕА к детям мира, который был принят в Берлине 24 февраля этого года: «...Мы призываем всех детей Африки, Азии, Америки и Европы, — сказано в призыве СИМЕА, — принять активное участие в нашей кампании протеста по сбору подписей против размещения новых американских ядерных ракет». Сейчас сбор подписей заканчивается. Миллионы и миллионы советских пионеров, а также взрослых поставили свои фамилии под этим решительным требованием. Необходимость вывести уже размещенные ракеты, продолжение переговоров во имя мирного будущего планеты — насущная потребность времени. И советские люди понимают это.

Сбор подписей на открытке «Мы хотим мира!» — большое дело советских пионеров — участников акции «Салют, мир!».

А как начиналась эта акция? Кто был ее инициатором?

В прошлом году в «Артеке» во время международной смены встретились пионеры средней школы № 22 города Волгограда и пионеры-тельмановцы Германской Демократической Республики из города Карл-Маркс-Штадта. Ребята составили обращение ко всем пионерам социалистических стран (см. «Юный натуралист» № 6 за 1984 г.). Оно было рассмотрено и поддержано на встрече руководителей пионерских организаций этих стран, которая состоялась в Берлине. Обращение волгоградских пионеров и пионеров Карл-Маркс-Штадта поддержали также социалистическая детская организация ФРГ «Юные пионеры» и пионерская организация имени Карла Либкнехта Западного Берлина.

В чем же конкретно должно проявляться участие пионерских дружин, отрядов в акции «Салют, мир!»?

В Москве с 27 июля по 3 августа 1985 года пройдет XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Девиз фестиваля «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

Московский молодежный форум явится важным вкладом в единство действий молодежи планеты в борьбе за мир, против гонки вооружений, а 40-летие Победы над фашизмом, которое будет отмечаться в год проведения фестиваля, должно дать новый мощный импульс антивоенному движению в мире. Участвуя в акции «Салют, мир!», пионеры нашей страны готовятся к молодежному фестивалю.

Активизируют свою работу клубы интернациональной дружбы. Они стараются больше помогать взрослым в борьбе за мир, укреплять дружбу и солидарность с ровесниками зарубежных стран. КИДы становятся проводниками идей фестиваля. В пионерских лагерях, Дворцах и Домах пионеров организуются трудовые акции в Фонд мира, митинги солидарности с борющимися народами в Азии, Африке и Латинской Америке.

Акция «Салют, мир!» стартовала 9 мая этого года, а иницие ее будут подведены в дни работы XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Год проведения фестиваля совпадает со знаменательной датой в истории нашего государства — 40-летием Победы. Время не властно над памятью о подвиге советских людей, в боях с врагом отстоявших Родину и принесших освобождение народам других стран. Советская молодежь, наша многомиллионная пионерская дружина верны этой памяти. Это по ее зову юность нашей страны, молодежь братских стран социализма шагает сегодня маршрутами интернациональной эстафеты патриотических дел. Участие молодежи социалистических стран в эстафете «Память» стало еще одним ярким свидетельством преданности молодого поколения стран социализма идеалам марксизма-ленинизма, пролетарского социалистического интернационализма, верности молодежи славным традициям старших поколений, стремления юношей и девушек внести конкретный вклад в укрепление социалистического содружества, в борьбу за мир, против угрозы войны.

Рядом со своим шефом — комсомолом шагает красногалстучная гвардия страны. Идут дорогами отцов.

Все дальше уходит в прошлое война. Но не уходит в прошлое героизм. Для каждого пионера ветераны Великой Отечественной — не просто герои, а люди, достойные подражания. Очень важно, чтобы каждый юный гражданин Страны Советов осознал себя их наследником и продолжателем.

Более пяти тысяч советских солдат похоронены на высоком берегу Волги у деревни Кокоскино. Ребята из 717-й московской школы и 4-й школы города Лобни приехали сюда досадить у братской могилы аллею Памяти. Пионеры местной Становской средней школы вместе с директором Борисом Михайловичем Архиповым подготовили к этому дню лучшие саженцы липы. Знакомились ребята в работе,

передавая друг другу деревья, лопаты, ведра с волжской водой. А когда работа была закончена, они вместе по своей аллее молча прошли к Волге. Прощаясь, условились о новой встрече. И ждать ее придется недолго, потому что летом в очередной раз московские школьники под руководством неутомимого своего капитана Николая Николаевича Шербакова поднимут на пионерском плоту парус и спустятся по Волге к местам былых сражений. Ребята навестят свои деревья, которые каждый год высаживают у братских могил на пропитанной кровью ржевской земле. Они окопают их, полуют и поплывут дальше, к аллее Памяти.

Активно включились в акцию «Салют, мир!» пионерские отряды и дружины страны.

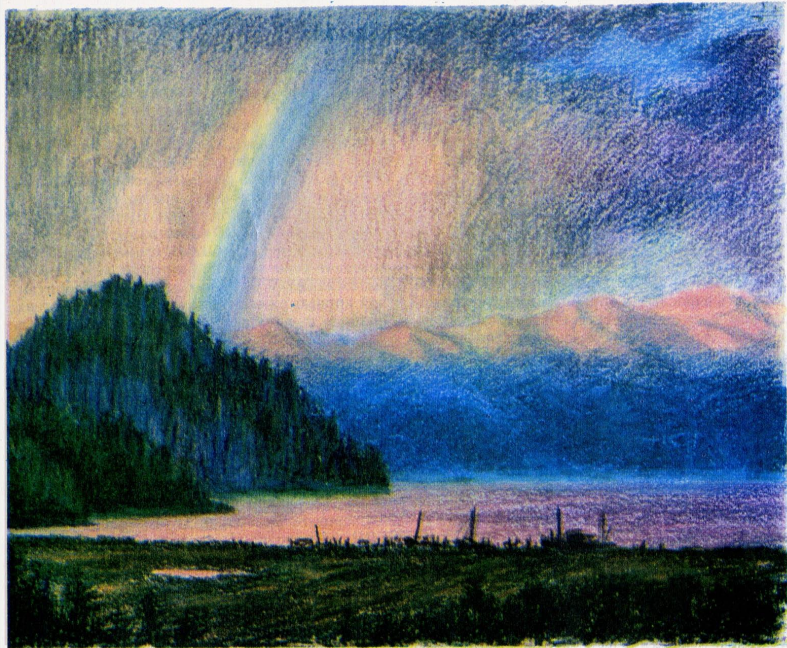
В редакцию приходит письма с рапортами ребят. Вот некоторые из них:

«Мы, пионеры довылянской средней школы № 1 Новосибирской области, обсудив на пионерском собрании Обращение пионеров дружины имени Героя Советского Союза Ф. И. Толбухина школы № 22 Волгограда и пионеров-тельмановцев Карл-Маркс-Штадта ГДР, активно включились в Международную акцию пионеров социалистических стран «Салют, мир!». Отличной учебной, помощью взрослым мы стараемся внести свой посильный вклад в дело сохранения мира. Деньги, заработанные в трудовых десантах, перечислены в Фонд мира. Провели митинги солидарности с народом Никарагуа и конкурс политических плакатов.

Особым вниманием и заботой окружили наши тимуровцы ветеранов войны и труда». «Акцию «Салют, мир!» наша дружина начала в Киевском районном музее боевой славы, — написала Инна Скотникова, ученица спецшколы № 76 Москвы. — Здесь лучших октябрят-третьеклассников приняли в пионеры. А затем была поездка в Дубосеково, где 28 героев-панфиловцев грудью закрыли створку от танков врага. В каждом отряде прошли уроки мужества. Их вели ветераны 659-го полка 155-й Краснознаменной стрелковой дивизии. В 1941 году она формировалась в нашей школе. Из классов, где учимся мы сегодня, люди, которые в начале войны были немногим старше нас, шли в бой и становились героями. Такими, как Иван Иванович Ларкин — знаменитый снайпер.

Имя Ларкина носит наша школа. Мы дружим с Иваном Ивановичем и 9 мая от всей души поздравили его с Днем Победы. В тот же день лучшие наши пионеры и комсомольцы встали в почетный караул у стены, воздвигнутой в честь героической обороны Москвы. О чем думали, что чувствовали наши ребята? О том, что День Победы стал первым днем мира. И нет для советского человека дела выше, чем защита мира».

**В. КОРОЛЬ,
В. НОСОВ**

Озеро у «Золотой горы»

Облака протянулись над озерной долиной, словно сырой серый потолок. Косыми черно-зелеными стенами спускалась к воде мокрая тайга. За четыре часа пути на весельной лодке с туристами от Артыбаша до поселка Яйлю, где разместился центр Алтайского государственного заповедника, я вымок окончательно и, сгорбившись, сидел на скамейке в лодке. К ногам прижался и дрожал Аргут, мой щенок лайка. Из белого пушистого весельчака он превратился в грязный комок мокрой шерсти. Мы ехали работать в заповедник.

Вот так неуютно встретило меня озеро, о котором я столько мечтал...

Но прошла ночь, и утром я проснулся от солнца. Оно было везде — на пыльных стеклах старого дома, на листе желтой акации за окном, на нежных хвоинках лиственниц и длинных иголках молодого кедра. На них сверкали капли росы. А там, откуда шло сол-

нечное сияние, угадывался синий простор. Огромный простор Телецкого озера, которое было золотым в то далекое солнечное утро.

Горы выросли из зеркальной голубовато-зеленой воды. На далеких вершинах кое-где еще белел прошлогодний снег. Оттуда, казалось, тянуло прохладой вместе с запахом чистой воды, горных лугов и того далекого нерастаявшего снега.

На юг уходила сорокакилометровая даль озера. С обоих его берегов в мягкой синеве, как бы постепенно растворяясь в ней, один из-за другого виднелись мысы, скалистые, поросшие лесом.

Мне довелось прожить на берегах Телецкого озера три года.

Летом я видел его зеркальную гладь, штиль и черные с белыми гребнями волны в штормовую верховку. Так называется ветер, который приходит с юга каждое утро в хоро-

шую погоду. Он сгоняет утренний туман, такой плотный, что хочется мять его в ладо- нях и разгребать руками.

Чудесно летнее озеро, но самое прекрас- ное время там, мне кажется, осень.

Обрывистые склоны гор от воды до самых гольцов (так называются безлесные верши- ны) расцветаются красным и желтым. Гольцы белеют — на двухкилометровые пики ложится первый снег. В кедрачах «работают» полевки, бурундуки. Кедровки запасают на зиму орехи. Нет зверя в это время в тайге, который бы не грыз кедровых шишек, разве что копытные их не едят. С горных пожелтев- ших полян доносятся странные сильные зву- ки, словно кто-то на высоких нотах трубит в огромную трубу. Это маралы. У них разгар гона. Самцы собирают самок, бьются из-за них с соперниками.

Поздней осенью с низовьев озера в его долину врывается сырой северо-западный ветер. Это низовка. Летом она часто приходит во второй половине дня после полуденного затишья и, как правило, перед ненастьем. Однажды в октябре я видел, как идет фронт этого ветра. Он вдавливался в застоявшийся воздух над озером огромной стеной из тумана, дождя и снега. На моем берегу было так тихо, что даже вода не рябила, а над се- рединой озера в межгорном пространстве высилась гигантская стена из клубящегося тумана. Она двигалась быстро и постепенно закрывала горы на том берегу. А под ней, под самым подножием этой невесомой, но казав- шейся очень тяжелой, туманной горы, заки- пала холодная вода, и ветер рвал с волн пену и брызги. Потом повалил сильнейший снег.

Озеро не замерзает очень долго. За лето оно набирает в себя столько тепла, что на центральном плесе около поселка Яйлю лед становится только в конце января или начале февраля, а южный плес вообще замерзает очень редко, не чаще чем раз в четыре-пять лет. В морозные дни озеро почти до середи- ны гор укрыто плотным одеялом из тумана. Его сырость чувствуется особенно сильно именно в морозные дни.

Если утихнет ветер, исчезнут волны, да еще заморозит градусов под тридцать, то за одну ночь озеро задерживается тончайшим ледком, который здесь называют карамыс. Всю ночь над водой стоит легкий шорох. Это шуршат и словно позванивают льдинки, растущие на глазах. Но приходит утром верховка, разво- дит волну и начинает громоздить на берегу ледяной вал, словно из битого стекла.

Ветер гонит огромные, до трех метров, волны, и по склонам прибрежного хребта Корбу метет снег в тайге, навивает глубочен- ные сугробы, залепляет кедры плотным сне- гом, словно штукатурит их. Под его тяже- стью ломаются сучья и вершинки деревьев. Поэтому они так искорежены, обломаны, у многих по несколько вершин.

Но морозы берут свое, и однажды утром

в непривычной тишине видишь на всем обо- зримом пространстве озера лед. Его гладко- сти могут позавидовать лучшие катки мира. Когда выходишь на этот потрескивающий под тобой первый лед, словно по воде идешь. Под ним просматривается каждый камешек на дне. Иногда налима можно увидеть, окуная или бычка-подкаменщика. Отойдешь немно- го от берега — и под тобой черная глубина.

Засинеют, занастятся яркие мартовские снега, зачертят крыльями глухарь, и начнет лед гудеть. Под лучами солнца он лопается со звуком реактивного самолета, вода про- ступает сквозь снег, обозначая серую трещи- ну. В это же время летят с грохотом лавины по склонам. Часто можно увидеть, как долго клубится, не оседает снежная пыль, когда пройдет оплывина — так называют на Алтае лавины. Массу лавинного снега выносит на берег конусом, и он лежит там порой до середины лета. Иногда лавина вылетает на лед, проламывает его и уходит в воду.

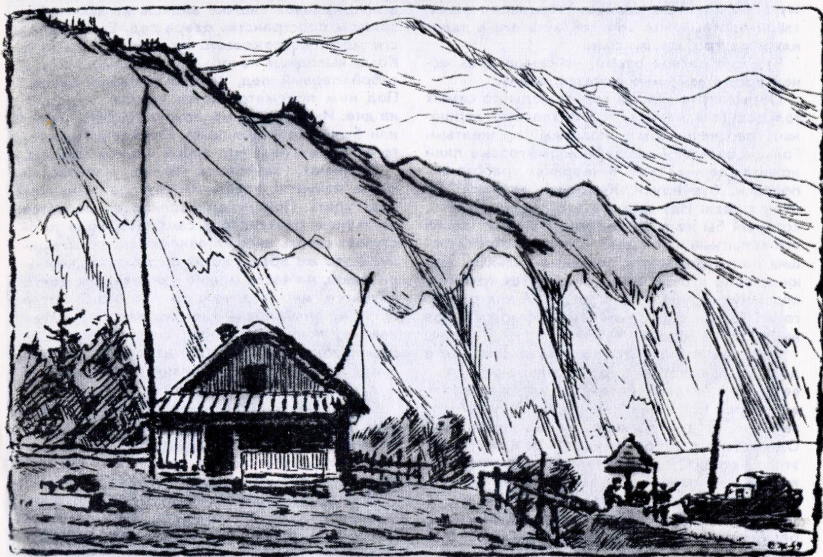
Постепенно шестикилометровая ширь озер- ной долины наполняется сизым дыханием отогревающейся весенней тайги. Везде гре- мят большие и малые водопады, шуршат оседающий снег, кричат бурундуки, а на подсыхающих солнечных склонах вышедший из берлоги медведь роет сладкие корневища кандыка, ворочает камни и коряги, ворошит муравейники. Подножия гор одеваются от самой воды нежным розовым цветом — зацветает рододендрон. Над горами, пере- кликаясь, проходят стаи лебедей и гусей.

С каждым днем прибывает и мутнеет про- зрачная до этого вода, постепенно исчезают чистые галечные места берегов. После особен- но многоснежных зим вода от самого низкого уровня поднимается иногда метров на шесть. Огромный объем воды поступает в озеро всего за полтора-два месяца.

Зацветают оранжевые жарки-купальницы на полянах, в укромных серых уголках тайги синеют двухметровые акониты, а высокогор- ные альпийские луга покрываются синими зарослями водосбора и горечавок, розово- фиолетовыми головками левзеи — маралье- го корня. Цветут береза, ель и кедр. Берего- вые несильные ветры подхватывают облака пыльцы, выносят ее к озеру, и она ложится на воду длинными желтыми полосами.

И снова начинается сверкающее алтайское лето с оглушительными грозами, солнцем и удивительными разноцветными закатами...

Телецкое озеро — «Алтынколь» по-алтай- ски. «Золотое озеро!» Есть легенда о том, как оно было названо. В ней рассказывается о далеком голодном годе на Алтае, об алтайце, нашедшем огромный, с лошадиную голову, самородок золота, но так и не обменявшем его хотя бы на кусочек хлеба, потому что в бедных алтайских аилах не было ни крошки. В отчаянье забрался этот алтаец на самую высокую гору около озера и бросил в него этот ненужный теперь самородок. И стали

с той поры звать озеро «золотым», а гору Алтынтуу — «золотая гора».

А вот что писал известный исследователь Алтая В. И. Верещагин в 1905 году: «...В Курмуртуке название «Алтынкколь» мне объяснили иначе: озеро получило название от горы Алтынтуу у его южного конца. А гора названа так потому, что на ней водилось много соболей, следовательно, прилагательное «золотой» здесь употреблено в смысле «богатый»: «золотая гора», то есть богатая соболями».

Телецким это озеро названо первыми русскими землепроходцами, которые проникли туда еще в XVII веке. На его южном берегу жили и живут поныне алтайцы рода телесов. Телёсы, Телёское озеро, которое потом стало Телецким.

Говорят, что Телецкое озеро — это Байкал в миниатюре. В какой-то степени это и верно. Большая глубина — 325 метров. Пятое по глубине озеро в нашей стране. Глубже только Байкал, Каспий, Иссык-Куль и Сарезское. Из Телецкого озера вытекает только одна река, Бия. Сливаясь с Катунью, она образует начало одной из величайших рек Сибири — Оби. Впадает в Телецкое озеро более семидесяти рек и речек. Удивительна прозрачность воды в Телецком озере — почти как в Байкале.

И все-таки Телецкое озеро неповторимо. Уже упомянутая Бия начинает свой стремительный бег по многочисленным порогам у села Артыбаш, что означает по-алтайски «голова порогов».

Мыс Чичилган — «брызги». В его камни

бьет волна и от низовки и от верховки, а зимой на них намерзают огромнейшие глыбы льда.

Мыс Черлок — «капля, журчащий». Речка Киште — «богатая соболями». Киш — по-алтайски «соболь». Или речка Аю-Кечес, по которой грохочут водопады, а означает это — «медведь не пройдет». Там вообще невозможно пройти, в этом диком обрывистом ущелье.

Около самого поселка Яйлю, где расположилось управление Алтайского заповедника, впадает небольшая веселая речушка с очень ласковым названием. Его нельзя было лучше придумать. Чеченек — «маленькая говорливая».

С левого берега в озеро напротив кордона Челюш впадает река Ян-чили, что значит «большое стекло», окно. Река вытекает из узкого ущелья, и, когда солнце заходит, его последние лучи падают через это ущелье на озеро, погруженное уже в тень от гор. Отсюда и название реки.

Каждое лето на озере много туристов. В истоке Бии две турбазы — «Золотое озеро» и «Медвежонок». Два больших теплохода ежедневно обходят озеро по круговому маршруту, по его глади идут весельные лодки, проносятся моторки, гудят мощными дизелями катера леспромпхоза, турбазы, заповедника, метеостанции, совхоза, заходя на посадку рейсовые и почтовые вертолеты.

Не так уж и давно, всего шестьдесят лет назад, озеро было совсем пустынным. Вот что написано в «Спутнике туриста по Сибир-

скому краю», выпущенному в 1929 году: «На озере, вдоль правого берега, имеется несколько небольших деревушек, населенных русскими и тубаларами: Яйлю, Или, Беле. В общем от озера остается впечатление угрюмой водной пустыни, затерявшейся среди гор, скал и лесов».

Эту пустыньность помнит Николай Павлович Смирнов, который поселился на южном берегу озера около речки Чири в 1927 году. Вместе со своей женой Дорой Захаровной он живет там и поныне. Николай Павлович один из зачинателей горного алтайского садоводства. Удивителен его сад, который он устроил террасами на горных склонах. Чего там только не растет! Николай Павлович — наблюдатель метеопоста, всю жизнь он ведет дневник наблюдений. Его дневники — это полувековая история Телецкого озера.

Пустыньность озера помнит и Василий Петрович Пыжаникин, ветеран, инвалид Великой Отечественной войны, проработавший в Алтайском заповеднике наблюдателем, лесником больше сорока лет. Эти люди — свидетели того, как изменялась здесь жизнь.

Полюбили Телецкое озеро и мне с того первого незабываемого сверкающего утра. Очаровало оно также моего отца. Он был художником и, хотя ненадолго приезжал в Горный Алтай, много раз писал озеро. Часть из его работ иллюстрирует этот очерк.

Вспомните в картины. Правда ведь, есть какая-то особая сила в красоте озера.

Я, чем больше его узнавал, тем больше находил в нем прелести. Даже когда волны грохочут о скалы и молотят береговую гальку. Оно какое-то уютное, это озеро. Может быть, потому, что успокаивается очень быст-

ро. Кончился ветер — через час-другой никакого волнения.

Туристский теплоход обходит его за один день. Но за день озера по-настоящему не увидишь, тем более с борта теплохода, надо посмотреть на него с гор.

Поднимаясь по трудной тропе, видишь сквозь деревья и кустарники озеро словно огромную голубую равнину. Где-то далеко внизу, на зеленовато-синей поверхности замерла белая точка теплохода.

Все дальше и дальше проникает взгляд, выхватывая горные цепи из той невообразимой дали, где уже только угадывается огромная горная страна, имя которой — Алтай. Если очень уж повезет, то на юго-западе можно увидеть в бинокль Белуху, самую высокую вершину Алтайских гор. Говорят, это приносит счастье. Я видел ее вершину!

И как же не ощутить это счастье, если ты одолел трудную тропу по курумкам-камнепадам, переходил, рискуя сорваться, через бешеные гремящие речки по упавшему стволу ели или пихты, мокрому от брызг, перелезал через толстые кедровые лежачие в завалах, пил ледяную воду из спрятанных среди мха и камней ручейков, видел куцых сеноставок и веселых бурундуков. Это все-таки счастье — узнать, что ты преодолел все эти трудности, что стоишь уже на самой вершине и идти больше некуда. Некуда потому, что здесь, на каменной вершине, кончается земля и над тобой только огромное чистое небо, а где-то далеко внизу замерло прекрасное «Золотое озеро».

Д. ЖИТНЁВ
Рис. В. Житнёва

Рябина раскинула гроздь
И тоненькой веткой давно,
Как будто нежданная гостья,
Несмело стучится в окно.

Румянец, да свежесть, да сила,
Да молодость — все по плечу!
Лишь солнышка чуть не хватило,
На каждую гроздь — по лучу.

Валентина ЯКУНИЧЕВА

Разноцветные сыроежки

Пожалуй, ни у одного из растений нет столько загадок, сколько их у грибов. Грибы вездесущи. И дома, и в лесу, и в лабораториях ученых живут они. Одни грибы лечат болезни, другие, если с ними неосторожно обращаться, могут и жизни лишить. Мир грибов удивителен. Formой, цветом, запахом поражают они.

У каждого гриба своя окраска. У белого гриба, выросшего в лиственном лесу, шляпка светлая, а вот у появившегося в сумрачном ельнике — темно-коричневая, бархатистая. Подберезовый гриб на болоте и подберезовый в лесу — тоже разные по окраске.

Но среди огромного мира грибов самые разноцветные — это сыроежки. Грибы эти «не знатные», и большинство грибников относится к ним скептически. Если везешь их издалека, то непременно в лукошке раскрошатся, вид свой потеряют. Но встреча в лесу с ними всегда радует.

В лесу сыроежки места выбирают красивые. Словно разноцветные конфетти рассыпаны крошечные сыроежки среди старых еловых иголок. На болоте, на зеленом моховом ковре стоят крепенькие блестящие желтые, малиновые, коричневые грибы.

Раскрывшаяся сыроежка похожа на маленький зонтик. После дождя или сильной росы на зонтике собирается вода — маленькое, крошечное озерко, поднятое над землей. А в жаркий день в тени сыроежки прячется лягушонок.

Большинство сыроежек — грибы съедобные, но есть среди них и ядовитые. Поэтому не стоит собирать подряд все сыроежки, а прежде чем отправиться в лес, надо познакомиться с ними в определителе. Не собирают и большие раскрывшиеся сыроежки. И вообще старые грибы собирать нельзя — ими можно отравиться.

У каждого грибника есть свои любимые грибы. Одни готовы чуть ли не за тридевять земель отправиться за крепкими боровиками, другие поспешат в лес, когда появятся опята, а третьи предпочитают желтые семейки лисичек.

А сыроежки всегда, даже если они и не годятся в лукошко, приветствуют грибника своими разноцветными шляпками: пожалуйста в лес, берите его щедрые дары.

Растут сыроежки повсюду: в хвойных, лиственных лесах, на болотах. Летом и осенью можно собирать их. И соленые и жареные хороши они, а некоторые пробовали их сушить: говорят, вкусные блюда можно из них приготовить.

Т. ГОРОВА
Фото В. Федорова
Рис. А. Лезина

Было уже совсем темно, когда я вернулся в нашу лесную избушку. Зажег лампу и сел за стол. За окном от ее яркого света темнота сделалась еще гуще. Из чаши на свет стали собираться ночные бабочки и другие насекомые. Одни лазали по стеклу, безуспешно пытались проникнуть в комнату, другие, с разлета ударившись в окно, неподвижно сидели на подоконнике.

Время от времени, отрываясь от записной книжки, я взглядывал на освещенное стекло. Чем гуще становилась ночная темнота, тем больше собиралось бабочек на маяничий свет. Самыми многочисленными были легкокрылые пяденицы. Вот эта крупная с нежно-зелеными крыльями — большая зеленая пяденица, эта — с кирпично-рыжей извилистой полосой на крыльях — пяденица-обдирано — опасный вредитель фруктовых садов. Самки у этой пяденицы бескрылые, значит, это самец явился из леса. А серых коротконогих пядениц собралось сразу несколько. Они заметно отличались от других своих родственниц характерной посад-

Гусеница, кокон и куколка травяного коконопряда.

кой. Сложив свои серые с темным рисунком крылья, они очень напоминали ту стрелулетучку, которую школьники любят делать из бумаги и пускать на переменах. Сидит, приподняв крылья, похожая на желтый сухой лист пяденица осенняя. И еще много мелких пестрых пядениц.

Слетелись бабочки из семейства совок. Ярким рубиновым огнем вспыхивали глаза этих ночных мотыльков, когда они, ползая по стеклу, попадали в сноп света. Многие совки похожи и мало отличаются друг от друга. Но когда присмотришься, начинаешь различать и их. Темно-желтые воинственные совки все время вертятся и не сидят на месте. Огородные совки с красно-коричневыми крыльями, украшенными небольшим светлым пятном, более смиренные. А вот и редкая лебедовая совка. Ее крылья разрисованы замысловатым малахитово-зеленым узором. Наиболее красивыми кажутся металловидки, чьи крылья отливают золотым блеском.

Приглядываясь к ночным гостям, вдруг замечаешь, что состав их сильно изменился по сравнению с теми, что прилетали сюда месяц-два назад. Уже совсем не видно никаких бражников. Все реже ударяют в стекло беспокойные травяные коконопряды. Почти перестали прилетать пестрые с крупными коричневыми и белыми узорами на передних крыльях и с огненно-красными задними крыльями медведицы-кайи. Но зато чаще показывались крупные с муаровыми нижними крыльями голубые и красные ленточницы, а иногда залетала и более редкая желтая ленточница.

Вот из темноты показалась лягушка и зашлепала по прелым листьям прямо под освещенное окно. Ее, как и меня, тоже заинтересовали собравшиеся на свет насекомые. Правда, интересы ее были совсем не такие мирные, как у меня.

Ночь давно уже перевалила за половину. Я решительно

Гусеница винного бражника.

гашу лампу и иду спать, прервав веселый хоровод насекомых.

Утром солнце золотыми бликами заиграло на листьях. Я подошел к окну. Стекла были пусты. Все многочисленнейшие насекомые, собравшиеся на свет, улетели куда-то попрятаться. Только бледно-зеленая тоненькая златоглазка — хризопа одиноко сидела на подоконнике. Солнце пригревало все щедрее, и над последними летними цветами закружились уже дневные бабочки.

Шагая по тенистым лесным тропкам и выходя на полянки, мы постоянно встречаем разных гусениц. Гусеницы бабочек очень любопытный объект для наблюдений, фотографирования и рисования. Среди них много ярких, цветных, интересной формы. И пожалуй, рисовать гусениц даже интереснее, чем взрослых бабочек.

Едва в начале лета поднимаются лесные травы, на стеблях, а то и просто на земле начинают встречаться лохматые гусеницы — бархатисто-черные с белыми и желтыми пестринами на боках. Они встречаются все лето. Сначала некрупные, а к моменту окукливания вырастают до семи сантиметров. Это гусеницы уже известного нам травяного коконопряда. Той самой проворной рыжей бабочки, настойчиво ударяющейся в стекло в попытке проникнуть внутрь. Когда приходит пора окукли-

ваться, гусеница строит желтоватый кокон, прикрепляясь к ветке или стеблю травы. В нем она и превращается в куколку.

Хотя и не так часто, но можно увидеть еще более лохматую, покрытую черными и рыжими длинными волосками гусеницу медведицы-кайи. В наших лесах ее чаще всего найдешь на живучке, где она с большим аппетитом лакомится мелкими зелеными листьями.

На коре различных деревьев удается отыскать серых, покрытых жесткими негустыми волосками и украшенных на спине красными и голубыми точками гусениц непарного шелкопряда. А на фруктовых деревьях целые гнезда голубовато-серых с продольными полосками на спине гусениц кольчатого шелкопряда. Эти гусеницы когда-то были очень многочисленны в наших лесах и наносили ощутимый вред деревьям.

Взрослых бабочек этих опасных вредителей поедают козодон, крупные виды летучих мышей, мелкие совки-сплюшки. Но у мохнатых

гусениц среди птиц врагов немного. Только кукушки, иволги да иногда синицы едят их. А главные союзники наших лесоводов в борьбе с гусеницами — вредных шелкопрядов — насекомые. В более южных районах их уничтожают крупные яркие жуки-лиственничники-красотелы, многих поражают наездники.

Гусениц бражников мы узнаем по загнутому надобие рога крепкому выросту на конце тела. Гусеницы эти обычно крупные, голые и нередко ярко окрашены. Однажды я нашел на веточке черемухи гусеницу дубового коконопряда. Каждый вечер она покидала свое убежище и лакомялась листьями черемухи. Когда я утром подходил к знакомому дереву, видел, что гусеница сидит всегда на одном и том же месте, где увидел ее впервые. А под деревом валяются свежие обгрызенные листочки. Так продолжалось несколько дней. Потом гусеница исчезла. То ли уползла окукливаться, то ли попалась на глаза какой-нибудь птице. Обычно гусеницы дубового

Красотел пахучий — неотомимый истребитель вредных гусениц непарного и походного шелкопряда.

коконопряда живут и питаются на дубе, потому так и называются. А эта жила и кормилась на черемухе, хотя поблизости были молодые дубки. Любопытно, что гусеница начинала кормиться только после захода солнца. Но на день она всегда возвращалась на облюбованную ею веточку, где и таилась, плотно прижавшись к коре. Будете в лесу — обратите внимание на гусениц, они заслуживают этого.

В. ГУДКОВ
Рис. автора

«Пернатая кошка» — так называют сову. И не случайно. Она похожа на кошку: голова круглая, а у некоторых сов «уши» из перьев, словно кошачьи. Ноги у птицы, оперенные до кончиков пальцев, как кошачьи лапки. Как у кошки, и пушистая мягкая тушка. Сова слышит прекрасную любую шорох в ночи.

Ее любимая пища — гры-

зуны: пеструшки и полевки. Многие читатели слышали о сове, да не все видели ее. Посмотрите на этого забавно-

го совенка, фотографию которого прислал в редакцию Сережа Халепа из города Еревана.

ЗА ДЕРЕВЬЯМИ—ЛЕС

Вот она какая, земля Волыни, с высоты птичьего полета! Квадратики возделанных полей и кудрявые перелески, извилистые речушки и круглые серебряные озера, обрамленные золотыми ожерельями песчаных берегов и изумрудными бусами стройных сосен. И особенно красивы здешние леса — настоящие зеленые ковры с причудливым узором.

Вместе с «небесным хранителем» лесов, летчиком-наблюдателем Николаем Николаевичем Кушиным мне посчастливилось совершить один из очередных облетов Волынской области на стареньком самолете АН-2 — своеобразной передвижной пожарной каланче, с помощью которой обнаруживают многие лесные пожары.

Пожары — одна из причин гибели леса. Огонь превращает в золу и дым тысячи и тысячи кубометров древесины, уничтожает жизнь.

Но, к сожалению, леса на земле гибнут не только от пожаров или других стихийных бедствий.

Еще на заре цивилизации люди объявили «войну» деревьям, пошли на них с топором и огнем, освобождая землю под посевы. А потом, познав ценность древесины, брали ее и как строительный материал, и как топливо. Неудивительно, что окрестности поселений и городов быстро оголялись. Более того — лишались лесов целые страны! Печально известна, например, судьба ливанского кедра, который весь ушел на строительство дворцов, храмов и морских флотилий.

В нашей стране лесов еще очень много: около 800 миллионов гектаров. Это пятая часть всех лесов планеты. Не потому ли сложилось у некоторых людей мнение, что древесину нам экономить не обязательно, что лес у нас никогда не истощится. Вон его, дескать, сколько — на тысячи километров тянется зеленое море!

Лес — явление неповторимое. Недаром замечательный русский ученый К. Е. Тимирязев называл его «фактором космическим», понимая под этим уникальность леса в масштабе всей вселенной, огромное значение

его для жизни нашей планеты. Певец русской природы, писатель Константин Паустовский справедливо заметил, что «леса не только приносят великую пользу человеку, украшают и оздоравливают землю, но и поддерживают самую жизнь на земле».

Да, человечество ничем не заменит это бесценное богатство, которым одарила нас природа. Как же отвести от него беду? Как сохранить для будущих поколений?

Русская лесная наука имеет богатый полторавековой опыт. Со временем она выработала правильную стратегию обращения человека с лесом. Она основана на мысли о том, что необходимо соблюдать строгий порядок пользования лесными дарами. Создано учение о непрерывном, неистощимом лесопользовании, согласно которому вырубка не должна превышать нарастающего за год количества древесины. Есть учение о взаимосвязи и взаимовлиянии всего живого и неживого в лесу — биогеоценология.

Прекрасные идеи завещали нам многие поколения российских лесоводов, среди которых видное место занимает замечательный ученый Георгий Федорович Морозов. Уже в те годы, когда помещики и купцы во имя наживы беспощадно истребляли дубравы и рощи, он первым смело выступил в защиту лесных сокровищ. «...Мы не должны и отказываться от потребления леса», — писал он, — но организовать дело так, чтобы в процессе самого потребления его создавалось бы новое поколение леса, не худшего, а по возможности лучшего качества, чем то, которое сошло со сцены...»

Именно на Волыни я вспоминал и слова Г. Ф. Морозова, и свои прежние беседы с директором лаборатории лесоведения Академии наук СССР, доктором биологических наук С. Э. Вомперским.

— Современная наука обязывает нас смотреть на лес не как на сумму деревьев, а как на сложнейшую биологическую систему, сообщество растительных и животных организмов, тесно связанное с окружающей средой, — говорил Станислав Эдуардович. — Лес хрупок и раним, трудно поддается «починке» и восстановлению. Кроме того, надо помнить, что он богат не только древесиной, что он дает еще десятки других ценнейших продуктов. Наконец, пользу от самого существования живого леса не измерить никакими кубометрами древесины. Вот почему лесники и лесорубы обязаны иметь научно организованное лесное хозяйство, чтобы брать природные богатства с полной мерой, рационально, комплексно и в то же время бережно.

И я не мог не убедиться, что деятельность лесников Волынской области — один из ярких примеров того, как выводы науки ложатся в основу всей хозяйственной работы. Здесь на практике начали активно применять методы комплексного использования не только древесины, но и живого леса.

Больше тридцати лет назад, когда создавалось Волынское областное управление лесного хозяйства, его начальником был назначен тогда еще молодой специалист Дмитрий Антонович Телишевский, а главным инженером — Федор Иванович Агеенко.

Они понимали — в лесу надо хозяйствовать по-новому, понимали, что если не остановить бездумное истребление леса, то очень скоро на этой земле останутся жалкие островки деревьев.

Телишевский повел меня на необычную выставку, которая наглядно и впечатляюще показывала, как ведут хозяйство лесники Волыни.

— Борьбу за лес мы начинали с массовых посадок деревьев, — комментировал экспозицию Телишевский. — Организовали на современной научной основе семенно-питомниково-деревоодческое хозяйство. Создали большие плантации сеянцев и саженцев. Благодаря им мы посадили за послевоенные годы больше 230 тысяч гектаров новых лесов. И сейчас половина всего нашего леса — плоды человеческих рук!

Взять другую проблему. Что происходит с деревом с момента, как его коснется пила лесозаготовителя? Известно, что на первый, «нижний» склад везут «хлысты» — ствол со спелыми ветвями и вершиной. Если считать и пень, то выходит, что на лесосеке остается около 10 процентов древесной массы. Затем «хлысты» распиливают на бревна. И опять образуются отходы — опилки, щепа, нестандартные обрезки. В дело пойдет только две третьих части от дерева. И когда бревна распиливают на пиломатериалы, тоже образуются отходы.

И если бы люди научились использовать все эти отходы с пользой, то тем самым они сохранили бы от вырубки сотни тысяч гектаров леса.

— Разве можно допускать, чтобы полезное сырье, из которого можно изготовлять десятки продуктов, множество полезных вещей, пропадало зря, сжигалось или гнило в отвалах? — говорит Дмитрий Антонович. — Конечно, нет. И поэтому мы организовали дело так, чтобы использовать практически всю рубленную древесину. И вот вам примеры.

Здесь, на стендах, множество образцов продукции, которую производят лесники Волыни. Лежат пакетики хвойно-витаминной муки. Ее изготавливают из веток и вершинок хвойных деревьев. Эта мука, как известно, прекрасная добавка к пищевому рациону скота. Рядом стоят на стендах флакончики лечебных экстрактов для ванн «Хвойный изумруд» и «Хвойный экстракт», шампуня «Лесной», тут же — тубики зубной пасты «Лесная» и бруски туалетного мыла «Хвойное».

— Всю эту полезную, лечебную продукцию, — поясняет Телишевский, — изготавливают у нас из древесной зелени. А крупные ветви, хворост мы прессуем в «топливные пакеты»,

которые с удовольствием покупает местное население...

Так вдоль стенов мы дошли до образцов продукции, которую получают из пней. Обычно их выкорчевывают и в лучшем случае оставляют гнить на краю лесосечных просек. «Не по-хозяйски!» — решили на Волини. Построили химический цех. И стали получать из пней и корней хвойных деревьев скипидар, смолу, деготь, древесный уголь.

Словом, здесь все идет в дело. И в этом я убедился не только на выставке.

В городке Киверцы мне показали несколько цехов по переработке древесных отходов и малоценной древесины, по изготовлению кухонной утвари, черенков для лопат или грабель, красивых сувениров, словом, десятков различных очень нужных изделий.

Под руководством мастера народного творчества И. Ареванюка здесь работает большая комсомольско-молодежная бригада резчиков по дереву. Молодые мастера делают из так называемых отходов и «малоценной древесины» прекрасные сувениры: украшенные искусной вязью резбы, затемненные выжженными рисунками и покрытые лаком подносы и декоративные тарелки, шкатулки и хлебницы. Красиво — любо поглядеть!

В другом цехе из отходов делают обыкновенные бельевые прищепки. Пустяковое вроде бы дело. А без таких изделий не обойдется ни одна хозяйка. Так вот, маленький цех в Киверцах изготавливает прищепки даже на экспорт: из Волини они едут в Англию. Еще один цех. Здесь освоено производство декоративного художественного паркета. Из обрезков различных древесных пород мастера составляют красивые узоры.

В городке Цумань свое хозяйство показывал главный инженер лесхоза, бывший лесничий Николай Петрович Кухарец. Обошли цехи. Идем по опушке леса. И неожиданно встречаем стройные ряды врытых в землю пеньков. Это зачем?

— Наша грибная плантация, — говорит Кухарец.

— Грибная?!

Удивляться было чему. Известно, что в массовом промышленном масштабе у нас в стране выращивают только шампиньоны. Но для этого строят специально оборудованные крытые помещения, где нужно поддерживать определенный микроклимат.

А ешенка обыкновенная, оказывается, хорошо растет на пнях. Технология ее выращивания, разработанная белорусскими учеными, предельно проста. Специально приготовленным мицелием гриба надо «заразить» чурбачки лиственных деревьев. Потом их наполовину зарывают в землю. Вот и все. Теперь остается подождать первых сентябрьских холодов, когда появляются грибы.

— За сезон с одного пенька можно собрать от одного до двух килограммов, — говорит Кухарец. — А с одного гектара такой «пенько-

вой» плантации можно снять до двух десятков тонн грибов за сезон.

— Мы, лесники, обязаны использовать все возможности и богатства леса, — утверждал Дмитрий Антонович Телишевский. — Он всегда давал пищу и пропитание народу. В лесу водятся дичь, растут ягоды, грибы, плоды и орехи... Сейчас в лесном хозяйстве говорят о необходимости расширять их сбор. Эта работа называется «побочным использованием» леса. А мне кажется, она должна быть не «побочной», а одной из главных среди забот лесника.

Слово у волянин не расходится с делом. Они проявили немало настойчивости, чтобы построить и оборудовать больше десятка консервных, плодоовощных цехов, где производят соки, варенья, маринады, соленья, компоты из лесных ягод и плодов. Более того, они оборудовали на опушках и полянах плантации ягодников: клюквы, малины, смородины, кизила, калины, черноплодной рябины-аронии и других.

Мне показали плантацию клюквы: каждая ягода — размером с черешню! Я ходил и любовался огромными красными крапинами на зеленом мху... Но дело, конечно, не только в красоте ее. Урожайность у этой клюквы выше, чем у обычной лесной.

Дальше, как говорится, больше. Практически в каждом лесхозаге появилась своя пасека. И лесники стали получать товарный мед. Потом начали выпускать консервы из дичи...

В лесах нашей страны на площади свыше 60 миллионов гектаров произрастают самые разные дикие плодово-ягодные растения и орехи, огромное количество грибов. Однако все это богатство человек расходует бессистемно и далеко не полностью. Как же решить проблему?

Есть несколько путей. Во-первых, ученым предстоит лучше изучать и учитывать недревесные ресурсы леса. Во-вторых, необходимо лучше организовывать сбор подаренного нам природой сырья и переработку всего собранного. Наконец, есть еще один путь. Человек может получать еще больший урожай плодов, ягод, грибов, орехов, если научится выращивать их на искусственных плантациях. Все это и делают лесники Волини.

Образно говоря, они за деревьями увидели сам лес со всеми его богатствами. Они рассмотрели на него не узко — только как на источник древесины, а значительно шире — как на богатейшую кладовую чудесных даров.

Но в то же время здесь к лесу не относятся как к бездонному колодезю, из которого можно бесконечно черпать богатства, вплоть до полного их истощения. Лес нужно беречь, экономить его ресурсы, учитывая при этом на научных расчетах и прогнозах.

В. ИСТОМИН

Вот и август пришел. Щедр он и на грибы, и на лекарственные растения. Заготовительные организации Центросоюза принимают без ограничения все грибы, годные для засолки, плоды можжевельника, шиповника, черемухи, черники, черной смородины, малины, бузины черной и т. д. Идет сбор цветов ромашки аптечной, ромашки пахучей, травы горца перечного, душицы обыкновенной, зверобоя продырявленного, хвоща полевого, листьев крапивы двудомной и толокнянки обыкновенной. В некоторых областях начинается сбор корней одуванчика.

Еще раз напоминаем: без опытных сборщиков — взрослых — ребятам в лес для сбора лекарственных и хозяйственно ценных растений ходить нельзя; их неопытность может нанести лесу непоправимый вред. Природа щедра лишь тогда, когда к ней относятся бережно и заботливо.

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Дорогие Почемучки! Наступил август — последний летний месяц! Кое-где уже заметно дыхание осени. Скоро мы услышим прощальное курлыкание журавлей, а пока что часто раздаются осенние песни скворцов, которые собираются в дальнюю дорогу на юг.

Отцветают ромашки и колокольчики, у многих растений созревают семена. На березах, липах и дубах замелькали желтые листья, поблескивают паутины, покрытые каплями росы. Поспевают поздние ягоды — толокнянка, брусника. Из лесу уходить не хочется: комары и мошки не досаждают, как в июне и июле, лес постоянно одаривает своими богатствами.

Особенно радостны походы в лес для грибников. Опытный грибник уходит на рассвете, в непроглядный утренний туман. И пусть не встретит он царя грибов, но уж непременно

окажутся в корзинке старые знакомцы — крепкий черный груздь, моховик, волнушка.

Но не все знают гриб, который вы видите на фотографии (см. стр. 23). Между тем он съедобный, мало того — вкусный! Предоставляем слово доктору биологических наук Лидии Васильевне Гарibaldi.

Говорушка ворончатая

Так называется этот гриб в виде желтоватой правильной вороночки. Если его перевернуть, то можно рассмотреть еще одну особенность — пластинки у него очень низко спускаются на ножку. Это хороший съедобный, но малоизвестный гриб. Растет он в хвойных и лиственных лесах обычно на полянах, часто образуя «ведьмины круги». Найти его можно в период

с июля и по сентябрь. Употребляется он и свежим и маринованным.

Обычно в каждом районе, области, даже крае собирают от 6 до 15 наиболее широко распространенных и известных видов, знания о которых передаются жителями вместе с местным названием гриба из поколения в поколение. Например, в Ярославской области собирают в сосновых лесах коллибию масляную, говорушку булавоную и рядовку майскую, которую здесь называют белянкой. В других районах страны эти съедобные грибы почти не знают. На Кавказе местное население охотно собирает растущую на буках вешенку, пренебрегая при этом даже подосиновиками, причем у вешенок здесь тоже есть свое местное название — «чинарики».

Изящные ярко-красные чашечки — тоже грибы. Их сфотографировал миколог из эстонского города Тарту Айн Густавович Райтвийер.

„Санитар“ леса

Это саркосцифа ярко-красная. Поселяется гриб на валежине в некоторых районах европейской части СССР, на Дальнем Востоке, в Казахстане. В Крыму его иногда можно встретить и зимой. В последнее время он встречается и в Прибалтике.

Саркосцифа ярко-красная — активный разрушитель гниющей древесины, один из тех важных и полезных грибов, которых вместе с некоторыми бактериями называют «санитарами» леса. Они разлагают мертвую древесину и одновременно создают растительный слой почвы, где потом поселяются другие растения, начиная от деревьев и кончая травами и теми же грибами.

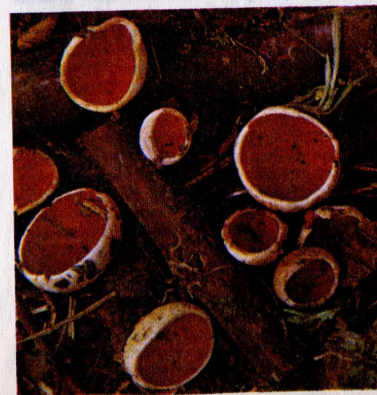

Рис. Г. Кованова

Есть в лесу любители полакомиться и таким почти одревенелым грибом, как трутовик. И не просто полакомиться, но и поселиться в нем. Компанию таких жильцов обнаружил в старом трутовике Леонид Валентинович Егоров.

Кто-то в грибном домике живет?

Многим известны грибы-трутовики. Те самые копытовидные наросты, которые часто можно видеть на ослабленных деревьях. Но, пожалуй, не все знают, что часто в них поселяются самые разнообразные насекомые, пауки, клещи.

Гриб попал ко мне случайно. Он был небольшой, примерно с ладонь. Отломив небольшой кусочек, я вдруг понял, что он полон овальными колыбельками, в которых находились личинки каких-то жуков. Я поместил гриб в коробку и стал наблюдать. В колыбельке зимовали личинки точильщика трутовикового. Здесь они окукливались, а затем через 7—8 дней вылуплялись жуки коричневого цвета. Со временем они темнели и становились совершенно черными.

Жуки оказались незаурядными притворщиками. При опасности они моментально прятали свои пышные гребенчатые усики, складывая их в углубление между передне- и среднегрудью, а затем подгибали ножки и укладывали их в специальные ложбинки на теле. Таким жуком был похож на черный гладкий камешек.

Наблюдая за развитием точильщика, я обнаружил, что на нем паразитируют два вида ос-паразитов из надсемейства хальцид.

Однажды, открыв коробочку, обнаружил там живую бабочку — моль, а потом нашел и остатки ее куколки.

Обнаружил я в грибе и несколько насекомых из отряда сеноедов. Много интересного удалось узнать о жителях всего одного гриба-трутовика.

Личинки жуков-дровосеков живут под корой или глубоко в древесине и точат там длинные-предлинные ходы. Рассказывает об этих жуках энтомолог кандидат биологических наук Владимир Григорьевич Ковалев.

Дровосеки

Жуков-дровосеков легко узнать по длинным усам, из-за которых их иногда называют усачами. Нрав у жуков флегматичный: они мало подвижны, ленивы и охотно позируют перед объективом фотоаппарата. Дровосеков в мире великое множество — не меньше двадцати тысяч разных видов. Только в нашей стране обитает почти девятьсот. Взрослые дровосеки не прочь погреться на солнышке, с удовольствием пьют сладкий цветочный нектар. У большинства видов личинка целый год, а то и несколько лет живет под корой дерева или глубоко в толще древесины, точит там длинный извилистый ход. Древесина — не очень питательная пища, поэтому челюсти личинки должны работать беспрерывно, размалывая в муку крепкие древесные волокна.

Но не все дровосеки развиваются в дереве. Есть и такие, у которых личинки живут в земле и грызут корни; у некоторых видов личинки прячутся в стеблях трав. Что ни вид дровосека, то свои особенные, неповторимые привычки. Красный сине-зеленый мускусный усач, изображенный на фотографии, точит древесину ив, изредка тополей, а на других деревьях его личинку не встретишь. Некоторые из дровосеков селятся в стенах домов, разрушают деревянные перекрытия построек и даже мебель, но таких вредных видов, к счастью, не так много.

Дровосеки удивительно разнообразны по окраске, форме тела и размерам. Бывают совсем крошечные, в несколько миллиметров, но попадаются и гиганты. К дровосекам при-

надлежит и самый крупный в нашей стране жук — дальневосточный реликтовый усач. Длина его тела больше десяти сантиметров. Личинки этого чудовища живут в гнилой древесине ильмов в Приморье, причем выбирают только огромные старые деревья. Реликтовый дровосек — жук редкий и взят под охрану человеком как одно из самых крупных и красивых насекомых нашей фауны.

Представляем слово кандидату биологических наук Ренате Георгиевне Лозовской, которая расскажет о своих встречах с обитателями леса.

Агрессивность или любопытство?

Недавно прочитала я в одном очерке, как человек чудом избежал гибели от когтей медведя. Автор сообщал, что хищник долго шел по следам человека и обнаружил себя, лишь когда тот, разыскивая взлетевшего глухаря, повернул назад, то есть навстречу медведю. Охотник поспешил покинуть лес, и, как потом выяснилось, медведь провожал его всю дорогу из лесу.

Можно, конечно, допустить, что в районе интенсивной охоты на медведей эти животные враждебно настроены к людям, тем более если человек вооружен, как было в данном случае. Ученые установили, что агрессивность животных усиливается под влиянием постоянно грозящей опасности. И все же не хотелось бы, чтобы человек видел во встречном звере только врага или жертву. Но почему медведь так долго преследовал охотника? Да очень просто: из любопытства. Любопытство — важнейший стимул в поведении зверей, и не только медведей. И это не праздное любопытство, оно обусловлено жизненно важной необходимостью получить как можно больше информации обо всех гостях леса. Нужно ли бояться этого человека, избегать его? Или он безопасен и можно спокойно заниматься своими делами? А может быть, он настолько вреден и опасен, что стоит его прогнать?

Все меньше остается мест, куда бы не проник человек, все чаще встречаются с людьми дикие звери, и хотелось бы, чтобы люди знали: поведение зверя формируется в зависимости от поведения самого человека. Если тот является в лес бесцеремонным хозяином, прихватив транзистор, спички, ружье, — он воспитывает в звере агрессивность. Если же человек помнит, что он в лесу — гость, притом незваный, и ведет себя тактично по отношению к хозяевам, звери быстро оценият это и будут ему доверять. И разве это не награда за сдержанность, если лесной зверь при вашем появлении спокойно продолжает свои дела?

Несколько лет назад, когда сына было пятнадцать, мы с ним проводили отпуск в ле-

сах Карелии. С нами была собака Лада. Как всякий пудель, она дома ласкова и приветлива со всеми. Но в лесу у нее просыпается сторожевой инстинкт, и она никого не подпускает к стоянке. Наша палатка стояла в хвойном лесу на берегу большого озера. Место было глухое, за весь отпуск мы не встретили ни одного человека. Однажды на рассвете я заметила на водной глади буруны. Какой-то зверек плыл наискосок от берега. Оказавшись напротив, он резко повернул в мою сторону. Я замерла. Вот он скрылся под валунами, нависающими над водой. Вдруг буквально в двух шагах из-за камня высунулась головка норки и уставилась на меня круглыми глазами. Уморительным было их изумленное выражение. Мгновение — и головка исчезла. Но не совсем! Она тут же высунулась из-за другого камня и опять несколько секунд недвижно меня изучала. Раз пять повторила она этот маневр. Оказывается, меня нужно было рассмотреть во всех ракурсах! Еще бы — на знакомых камнях вдруг появилось нечто необычное. Вдруг сказка кончилась: послышался шорох черничника, и головка исчезла, уже насовсем. Это зашуршала собака, разыскивавшая меня...

Следующим летом мы разбили лагерь в полукилометре от прежней стоянки. Здесь среди густого леса оказалась великолепная поляна, образованная старым пожаром. Однажды вечером, когда я уже была в палатке, сын шепотом позвал меня наружу и показал на противоположную сторону поляны. В сумерках там что-то чернело. Он созорничал, крикнул: «Эге-гей!» Эх, зря! Здорово испугалась мишка. Сорвавшись с места, он со страшным шумом помчался к озеру, обнаружив ошибку, тут же повернул назад и с треском исчез в чащобе. Лада спокойно лежала у палатки, только проводила гостя взглядом. Можно было подумать, что она каждый день его тут видит и убедилась в его безвредности. Может, так оно и было? Мы решили, что больше он не придет. Но ошиблись. Через несколько дней я собирала чернику в дальнем конце поляны. Где-то далеко треснул сучок, и все стихло. Начало смеркаться, ягоды были уже плохо видны, а мне все жаль было уходить. Снова треснул сучок где-то совсем близко, и тут я подняла голову. Медведь стоял на задних лапах, укрывшись за стволом ели, и слегка покачиваясь, смотрел на меня то с одной, то с другой стороны ствола. «Значит, он умеет ходить и тихо?» Не могу сказать, что я не испугалась. Стараясь не делать резких движений, я подхватила бидончик и быстро пошла к озеру, оглядываясь. Но темнота быстро сгушалась, и ничто не нарушало тишины.

В то же лето я столкнулась однажды с явно выраженной агрессивностью. Я собирала чернику. Внезапно совсем рядом раздался пронзительный писк. Звук не смолкал, он длился на одной и той же высокой ноте, но источник его перемещался. В двух шагах от меня колебался

черничник. Какое-то неведомое существо так стремительно носилось вокруг меня, что я не успевала поворачиваться, пытаюсь его разглядеть. Визг не смолкал ни на секунду, и меня охватила тревога. Ясно было, что кому-то грозит беда. Тишина наступила так же внезапно, черничник больше не шевелился. Вдруг я заметила под мустом маленький блестящий глазок, уставившийся на меня. Мышь! Видно, здесь ее гнездо. Ну, эта атака простибельна. Осторожно ступая, я поспешила уйти.

Теперь, бывая в лесу, всегда помню, что нахожусь под непрерывным наблюдением сотен невидимых глаз, и стараюсь вести себя деликатно. Ведь обитатели леса так к нам терпимы и так беззащитны перед человеком!

Все, кто бывает на выставках Михаила Штейнбаха, единодушны во мнении — на его фотографиях представлены не просто портреты птиц. Это раскрытые тайны птичьей жизни, умело, мастерски подсмотренные фотографом-профессионалом. Слово Юрию Васильевичу Краснощекову.

Человек у гнезда

...Пискув, слетел с ветки юркий, как мышонок, крапивник, покатился по снежку коричневым клубочком — разматал бисерную нитку следа. Мальчик вскинул фотоаппарат, в окошко видоискателя увидел, как крапивник удивленно соскочил головку, — и нажал на кнопку затвора.

Дома проявил пленку, напечатал: круглым глазом лукаво глядел на него знакомый крапивник.

Мальчик вырос, закончил МГУ, стал ученым-орнитологом. Немало поездил по стране, увидел множество разных птиц, записал на магнитофон их голоса. Но никогда не забывал о фотоаппарате. На смену детской «Смене-6» пришли более сложные по конструкции фотокамеры. Изменилась технология съемки. Теперь уже Михаил не полагался на случай, а вел систематические наблюдения, заранее тщательно продуманные и подготовленные; как художник, «писал» жизнь птиц с натуры.

...Медленно, в час по шажку, подкрадывается к гнезду диковинная, похожая на ультра-точный домик, «ходячая» палатка, «шапка-невидимка», как называет ее Михаил. Сам он сидит внутри и двигает палатку вперед. При чем двигает, только когда птицы улетают за кормом. Едва они возвращаются, палатка замирает.

Понятно, с такой скоростью особо не разбегешься — несколько часов потратишь на то, чтобы благополучно добраться до гнезда.

Но вот палатка предельно близка — иногда на расстоянии 40 сантиметров от гнезда. Укреплен на штативе фотоаппарат, сделана в мешковине смотровая щель, начинается самое интересное.

Запечатлены на пленке моменты из жизни птиц. Стремительный козодой взлетает в ночи. Заботливая мама-зарянка принесла корм своим птенцам. Сорокопуты жуланы у своего гнезда. (С м. 4 - ю стр. обложки.)

За 15 лет фотоохоты Михаил Штейнбах собрал «фотолетописи» по 90 видам птиц. Около 20 тысяч негативов хранится в его собрании. Его мечта: создавать большие содержательные фотоповести, полнее показывая в них жизнь птиц.

...Круглые сутки неумолчно и на разные голоса поют в лесу птицы. Пинькают синицы, кричат дятлы, гулкает, пристанывая, вяхирь, скрипят на поляне коростели. Пригретый солншком, засвистит с высокой ветки скворец-пересмешник. Мрачно закаркает ворон.

По лесу медленно пробирается человек. За плечами у него тяжелый рюкзак, обе руки тоже заняты. Он держит курс на заранее пристроенное гнездо, сгоренное в чаще леса. Немало дней и ночей проведет человек у этого гнезда, останавливая с помощью фотоаппарата прекрасные неповторимые мгновения, которыми так полна таинственная жизнь птиц.

Теперь отвечаем на вопрос Оли Поповой, помещенный в № 5 за 1983 год. Оля спрашивала, есть ли на земле хищные растения, кроме росянки.

Растений, которые ловят насекомых, а иногда и других мелких животных, очень много. Они встречаются во всех частях света. Всего их около 500 видов из различных ботанических семейств. В нашей стране растут 18 видов насекомоядных растений, относящихся к двум семействам: росянковых (росянка, альдрованда) и пузырчатковых (пузырчатка, жирянка).

Как эти растения ловят свои жертвы? Для этого у них есть специальные приспособления. На листе росянки расположены около 25 волосков с головками, а в каждой головке — железка, выделяющая капелюк слизи. Когда на лист садится насекомое, привлеченное сладкой капелючкой, оно прилипает к волоскам, волоски постепенно изгибаются, минут через 10—30 головки коснутся листовой пластинки и лист начинает сворачиваться. Росянка выделяет особые вещества, которые растворяют, переваривают тело насекомого, питательные вещества из него растение всасывает. Через несколько дней лист и реснички снова распрямляются и растение опять готово к охоте.

В водоемах встречается пузырчатка. Часть ее листьев превратилась в пузырьки, которые имеют отверстие, прикрытое хитро устроенным клапаном. Он открывается только внутрь. Маленькое животное, попав в такой пузырек, выбраться оттуда не может. Здесь растение его переваривает.

В тропиках растет непентес с ловчими кувшинами яркой окраски. Привлеченное нектаром насекомое попадает в такой кувшин,

прикрывающийся крышечкой. Венерина мухоловка, живущая в Северной Америке, ловит насекомых листьями, которые моментально складываются, как две створки.

Почему растения стали хищниками? Все они живут на почвах, бедных минеральными солями и неорганическим азотом, или в воде. Недостающие для питания вещества они и добывают таким способом.

Дополним этот короткий рассказ еще одним сообщением, которое подготовила для вас, Почемучки, Людмила Олеговна Тарасова.

Живые ловушки

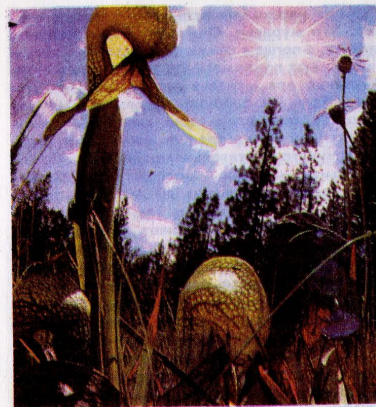
Первые сообщения о дереве-людоеде появились в газетах в конце прошлого века. Подписчики читали и радовались, что растет чудовище не в наших лесах, а на далеком Мадагаскаре. Вскоре растения-хищники «перекочились» с людей на зверей. В Бразилии якобы видели деревья, которые ловят обезьян, а в Никарагуа такое растение чуть не оплело своими хищными ветвями собаку. Газеты и журналы с удовольствием перепечатывали эти сенсации, а чуть позже и опровержения к ним.

Конечно, все это оказалось чистой выдумкой. Нет на земле деревьев-хищников. Однако живут в разных частях света «плотоядные» растения, которые, например, питаются насекомыми.

На заболоченной лесной полянке в северной Калифорнии даже в солнечный летний день сыро. На первый взгляд ничего особенного. Но где-нибудь в стороне из травы поднимаются пятнистые головы с длинными раздвоенными языками. Издали кажется, что стайка змей изогнулась и приготовилась к прыжку. Это дарлингтония калифорнийская, или растение-кобра.

Растет она там, где мокро и прохладно — у ручьев и на заболоченных лужайках. Корни ее всегда опущены в холодную воду. Влага необходима растению не только для питания, но и для того, чтобы бесперебойно работал его ловчий аппарат, ведь дарлингтония — растение-хищник. И питается она комарами, мухами, всеми, кому по вкусу ее сладкий нектар.

Дарлингтония охотится на насекомых, но делает это так, что со стороны ничего не заметно. Ловушка ее не захлопывается, она не зажимает пойманную букашку волосками, как это делают иные насекомоядные растения. Она спокойно покачивает на ветру пятнистой языкастой головой и ждет. Яркие желтые пятнышки на светлой зелени шлемника сами подманивают будущую жертву. И конечно же, запах нектара. Почувяв его, насекомое опускается на растение и медленно ползет под шлемик — туда, где многочисленные нектароносные железки выделяют сладкий пахучий сок. Хитрая дарлингтония помогает букашке ползти только вперед: весь шлемик

покрыт короткими колючими волосками, наклоненным острием к отверстию кувшины.

Даже если под шлемиком насекомое опомнится и попытается выбраться на свободу, здесь его ждет другая ловушка. Полупрозрачные «окна» на стенках шлемника, которые так привлекательно светились, приглашая присесть на растение, — это всего лишь более тонкостенные участки. Через них внутрь проникает слабый свет. Попытка вылететь через такое «окно» на волю неизбежно кончается тем, что жертва соскальзывает по гладким отвесным стенкам кувшина на его дно. Этому помогают и волоски, длинные, острые, направленные вниз.

На дне листа собирается пищеварительный сок. Ученые утверждают, что само растение не вырабатывает пищеварительных ферментов. Это делают бактерии, живущие в жидкости кувшинов. Насекомое тонет и постепенно переваривается. Теперь растение готово к принятию новой жертвы.

Дарлингтония — растение насекомоядное, но не для всех насекомых она опасна. Некоторые из них приспособились к жизни даже внутри коварного ловчего аппарата. В кувшинах дарлингтонии живут ночные моли и некоторые виды мух. Чтобы не соскальзывать вниз, на дно кувшина, гусеницы моли опутывают острые гладкие волоски плотной надежной паутиной. В ней и живут потом куколки. А выплывшие бабочки по той же паутине легко покачивают из бывшей ловушки на волю.

Цветет дарлингтония один раз в жизни. Она выбрасывает над листьями-кувшинами высокий тонкий цветонос, на конце которого распускается яркий цветок. Когда его лепестки опадают, открывается созревшая плотная коробочка. В ней около сотни семян. Значит, через год на этой же полянке появится новая «стайка» пятнистых змеиных головок — будущих ловушек для насекомых.

Одна из наших Почемучек — Оля Черданцева из поселка Алтайский Алтайского края спрашивает: «Скажите, что делают зимой ежи?» Одновременно с письмом Оли пришло письмо от другого Почемучки, оно может стать ответом на этот вопрос.

Как зимует еж

Однажды поздней осенью мы проводили последние работы в саду: выпиливали и сжигали сучья, сгребали траву.

Вдруг под деревом увидели в сухой траве углублении какой-то комок из сухой травы и листьев. Оказалось, что это ежик. Он уже сделал себе гнездо и залег в нем на зиму. Ежик — полезное животное, мы не стали его тревожить.

Миша ФЕДОТОВ

г. Владимир

Почемучки! Может быть, кому-то из вас доведется увидеть, как готовятся к зиме другие животные? Напишите о своих наблюдениях.

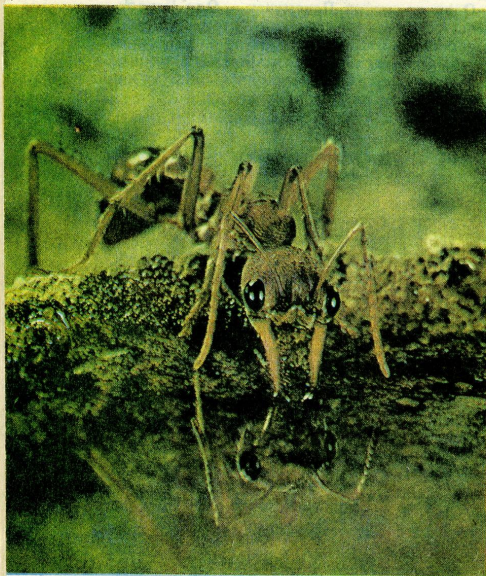
А сейчас постарайтесь ответить на вопрос: «У каких зверей детенышей называют «листопадниками?»»

Марина ФИРЦОВА

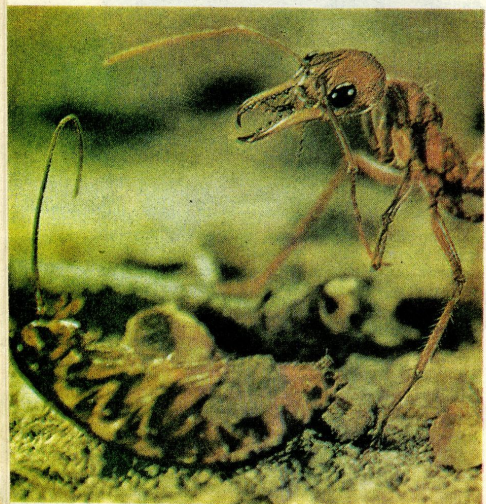
г. Оха
Сахалинской области

Встретимся мы с вами теперь в сентябре.

МУРАВЕЙ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Среди насекомых есть свои «интеллектуалы». Это муравьи. Они способны постоянно учиться, а попав в самую неожиданную ситуацию, умеют принимать «разумные» решения. Обучение для муравья совершенно необходимо. Если бы рабочие муравьи систематически не повышали свою «квалификацию», муравьиной семье вряд ли жилось бы хорошо. И ничего удивительного здесь нет. Среди насекомых муравьи — долгожители. Царицы некоторых видов живут до двадцати лет, а рабочие муравьи до семи. Так что опыт, приобретенный молоду, может пригодиться и под старость. А самое главное, муравьи живут огромными семьями. Любой муравей, научившись чему-то новенькому, может тут же обучить двух-трех младших собратьев, а те, в свою очередь, — муравьишек следующего поколения. Так «открытие» одного муравья может стать всеобщим достоянием и передаваться из поколения в поколение. А научиться у старших особенно легко. У муравьев чрезвычайно сильно развит инстинкт подражания. Они с удовольствием повторяют все, что делают их опытные товарищи.

Понаблюдав внимательно за жизнью муравьиной семьи, нетрудно заметить, что не все муравьи одинаково сообразительны. Среди сотен и тысяч обитателей муравьиного дома выделяется многочисленная когорта наиболее активных, решительных, предприимчивых, которые и становятся инициаторами, а проще сказать, заводилами любых коллективных дел. Ученые называют их лидерами.

У разных полов умственные способности могут быть различными. У муравьев, вероятно, умнее самки, во всяком случае, мужская половина муравьиной семьи обычно никакими талантами не блещет. Но, может быть, они совсем и не глупы, а просто не имеют возможности проявить свой ум, так как им отведена пассивная роль бездельников. Недаром у многих видов муравьев принято безжалостно убивать лишних самцов.

Другое дело муравьи женского пола. Трудно приходится самкам-основательницам, в одиночку заводящим новую семью и самостоятельно, без чьей-либо помощи, выкармливающим первое поколение детей. А вся остальная масса рабочих муравьев, к какой бы они касте ни относились — к большеголовым солдатам или собирателям пищи — фуражирам, — тоже самки, правда, немного недоразвитые. Так что любой муравейник можно назвать настоящим женским царством.

Чтобы успешно учиться, нужно обладать хорошей памятью. Муравьи на нее не малюются. Активные фуражиры, ведущие самостоятельный поиск пищи, хорошо знают свой охотничий участок и отлично помнят дорогу домой. Если муравьиному тропу перегородит замысловатый лабиринт, фуражиры, поблуждав по его закоулкам, в конце концов находят проход и затем помнят путь в лабиринте не меньше четырех дней, даже если

все это время им из-за плохой погоды пришлось безвылазно сидеть дома.

У муравьев развита не только зрительная память. Они обладают развитым чувством времени и широко этим пользуются. Если невдалеке от кормовой дороги строго в определенное время выставят кормушку, то фуражиры очень быстро запомнят время появления пищи и будут точно в срок собираться на этом участке. Уже после того как их перестанут подкармливать, муравьи будут приходить сюда еще дней пять, точно соблюдая урочное время.

В своем большом доме члены муравьиной семьи тесно между собой общаются, все делают сообща, во всем помогают друг другу. Зато на охотничьем участке, во время сбора семян, у многих видов муравьев помогать друг другу не полагается. Так вести себя предписывает им инстинкт, врожденная программа поведения. Она мешает им учиться друг у друга охотничьим приемам, не позволяя справляться с крупной и сильно добычей. Фуражиры муравьев-бегунков рассеяны по обширной территории и stalkиваются там редко. А если встреча все-таки произошла, они сразу сворачивают в сторону, всем своим поведением подчеркивая, что общаться не намерены. Когда бегунок находит мертвого жука, стрекозу или крупную бабочку, он не может сдвинуть с места такую тяжесть, но на помощь не рассчитывает. Она не придет. У муравья единственный выход — отгрызть у добычи лапку или голову и хоть что-то принести домой. Только если находка сделана у самого дома, помощь ему будет обеспечена.

Крупную добычу, чтобы унести ее по частям, бегунки посещают многократно. Может случиться, что на находку случайно наткнется второй фуражир, тогда можно подсмотреть забавные сценки. Двух бегунков у одной добычи никогда не встретишь. Когда фуражир, вернувшись к своей добыче из очередного похода домой, увидит там другого муравья, он терпеливо подождет в сторонке, пока тот с ношей не уйдет прочь, и только тогда отправится за своей долей. Даже заметив товарища, который борется с добычей, бегунок не окажет ему помощь.

Муравьи-жнецы питаются семенами. Активные фуражиры шныряют по своим участкам и тянут в дом все съедобное. Фуражиры действуют на свой страх и риск и друг другу здесь, на кормовых участках, не помогают. Но вот жнец наткнулся на такие запасы семян, что ему их и за неделю не перетаскать. Тогда он бежит домой за подмогой. В это время из подземных камер на поверхность обычно выходят огромные толпы ожидающих так называемых пассивных фуражиров. Они возбуждены, готовы стать усердными носильщиками, но не знают, куда приложить свои силы. Разведчик врывается в эту толпу, совершает несколько кругов среди своих менее активных товарищей и бежит на кормовой участок,

пассивные фуражиры устремляются следом.

У многих лесных муравьев, кроме активных и пассивных, существует группа промежуточных фуражиров. Когда добыча найдена, они бегут в толпе пассивных фуражиров, помогая перетаскивать в гнездо продовольствие. Но вот работа выполнена, все, что найдено, унесено, и пассивные фуражиры остаются без работы. Тогда муравьи промежуточной группы сами отправляются на поиск пищи, но идут не поодиночке, а парами или даже небольшими группами. Правда, странствуя по участку, действуют порознь и товарищам не помогают.

Только среди лесных муравьев есть виды, которые охотятся всегда сообща. Наткнувшись на крупное насекомое, одни охотники вцепляются в его ноги и крылья, растягивают их и удерживают жертву на месте, а остальные в это время кусают ее и, подогнув брюшко, впрыскивают в рану свой смертоносный яд.

Крупногабаритные грузы муравьи переносят так. Немного потолкавшись, они сдвигают добычу с места. Постепенно действия их становятся более слаженными. А если добыча обнаружена совсем недалеко от гнезда! В этом случае одни муравьи выполняют функцию носильщиков, а другие расширяют ближайший вход, чтобы можно было протащить туда крупный груз. Даже человекообразные обезьяны совершенно не способны трудиться так слаженно. На виду у группы шимпанзе под большой камень, который одной обезьяне сдвинуть не под силу, клали лакомство. Обезьяны по очереди пробовали свои силы, но навалиться вместе и общими усилиями перевернуть камень так и не догадывались.

Муравьи — в самой полной мере общественные существа. Действовать отдельно от коллектива способны лишь немногие. Если муравью приходится трудиться в гнезде в одиночку — рыть подземный ход или подбирать мусор, он это делает вяло, неохотно. Когда над тем же заданием трудится группа, работа спорится, все действует быстро, энергично. Удалось измерить силу, развиваемую одним муравьем при переносе крупных насекомых, и усилия того же муравья во время коллективной транспортировки груза. Оказалось, что в коллективе мощность фуражир на 27 процентов выше, чем у одиночки! То, с чем с трудом справятся порознь пять муравьев, легко одолеют четыре фуражира, взявшись за дело сообща.

Еще один пример удивительной муравьиной взаимопомощи. Обитателей одного муравейника научили тянуть за одну из двух нитей. Если выбор был правильным, у кормушки открывалась шторка и труженик получал доступ к сахарному сиропу. Часто можно было видеть, как за нитку тянул один муравей, а сиропом лакомился другой. Может быть, опытные труженики таким образом учат молодежь, а может быть, коряят вернувшегося из дальнего похода усталого сородича!

По тому, как муравьи находят дорогу в лабиринте, можно узнать, какие из них более сообразительные. У ученых особенно популярен лабиринт, составленный из стеклянных цилиндров, — он достаточно сложен, а сквозь его прозрачные стенки удобно наблюдать за поведением насекомых. Для постройки лабиринта берут 5—6 цилиндров разного размера. Соблазнительную приманку накрывают самым маленьким. С одной стороны под стенкой цилиндра прокладывают под землей узенький ход, чтобы муравьи могли туда проникать. Маленький цилиндр накрывают чуть большим по размеру и под его стенкой также выпакуют норку, только в противоположной стороне от входа в норку меньшего цилиндра. Это сооружение накрывают остальными цилиндрами и под ними тоже роют норки, но так, чтобы каждая располагалась на противоположной стороне от предыдущей. Для притягивания муравья, действующего на своей кормовой территории в одиночку, такой лабиринт не представляет большого труда. Любый фуражир, заметив сквозь прозрачные стенки соблазнительную приманку, непременно доберется до нее. А вот из 20—40 луговых муравьев за первые четыре часа самостоятельно добраться до приманки способны лишь два-три, но позже, используя опыт более одаренных фуражиров, этому научатся еще восемь-десять. У муравьев родов мирмика и лазус в глубь лабиринта тоже проникает самостоятельно всего два-три фуражира, но уже через полчаса-час они приводят себе на помощь до 200 носильщиков.

Муравьи оказались способны решать логические задачи. Около муравейника на высокой ножке устанавливали искусственный цветок-ромашку с необычно длинными, до 15 сантиметров, лепестками из твердой бу-

маги. Лепестков сделали немного, всего одиннадцать, и все они располагались в одном секторе цветка. На кончик самого верхнего лепестка наносили капелку сахарного сиропа. Малым лесным муравьям давали десять минут кормиться на этом лепестке, а затем кончик лепестка отрезали, а каплю сиропа наносили на следующий лепесток и здесь давали муравьям кормиться не больше десяти минут. Так в течение опыта капля должна побывать на каждом из одиннадцати лепестков.

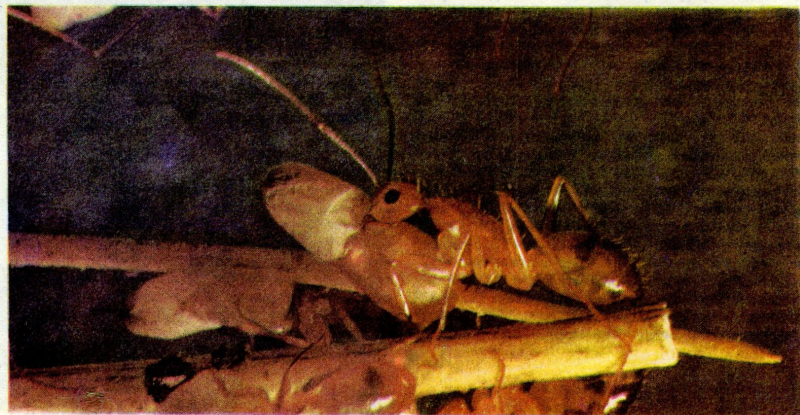
В первых четырех опытах муравьи старательно осваивали предложенную им задачу. После каждого переноса капли они искали ее по всей ромашке, но главным образом на тех лепестках, где только что кормились. Начиная с пятого опыта поведение муравьев изменилось. Теперь они почти не забегали на лепестки, где раньше лакомились сиропом, а сразу шли на соседний лепесток. Даже после десятидневного перерыва в опыте они не забыли, как нужно искать корм на бумажной ромашке. Трудно сказать, каким правилом пользовались при этом муравьи. Может быть, они запомнили, что корм каждый раз надо искать на соседнем лепестке, а может быть, догадались, что нужно отыскать укороченный лепесток, а сахарный сироп будет на соседнем!

Муравьи умеют и играть. Луговые муравьи хватают друг друга лапками или челюстями, катаются по земле, а потом отпускают партнера или затаскивают его в муравейник, но вскоре игруны снова выбегают наружу.

Наше зачастую пренебрежительное отношение к насекомым долго не позволяло окончательно поверить в их удивительные способности, например, перенимать опыт сородичей. Сегодня у ученых накапливается все больше доказательств того, что они способны обучаться не хуже некоторых высших позвоночных животных.

Б. СЕРГЕЕВ,

доктор биологических наук

Несколько сцен из жизни одних из самых многочисленных и агрессивных тропических муравьев — эцианов.

Для праздничных букетов

Цветы — всегда радость, красота, нежность, изящество. Ни одно важное событие в жизни не обходится без букетов. Они украшают наши праздники, юбилей, дни рождения.

1985 год особенно богат знаменательными событиями. Наша страна будет отмечать 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Летом будущего года состоится XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Главная забота юннатоб — украсить свой родной край цветами. Их потребуется очень много: букеты будут возлагаться на могилы погибших воинов, у памятников и обелисков.

Море цветов украсит молодежный форум мира и дружбы. И уже сейчас каждая пионерская дружина определяет свое участие в этих больших праздниках.

По письмам читателей видно, что многие ребята занимаются цветоводством, а еще больше хотят включиться в это увлекательное и полезное дело. Но мы заметили, что юннаты некоторых школ обращаются в редакцию каждой весны и просят помочь им приобрести семена одних и тех же цветочных растений, причем самых распространенных. Выходит, еще не все ребята научились по-хозяйски подходить к своему делу. Вырос цветок, полюбовались им, и все. Весной опять семена искать надо.

А ведь можно заготовить семена со своего цветника. Так и поступают многие юннаты.

Если соберешь только один грамм семян дельфиниума, будущей весной получишь более 500 растений, а при умле более двух тысяч. Из грамма семян георгинов можно вырастить около 100 клубней.

Читатели уже знакомы с юными цветоводами Турчиновской начальной школы Чудновского района Житомирской области. Ребята этой школы ежегодно собирают со своего цветника много семян и рассылают их всем, кто к ним обращается. Теперь их цветы украшают многие школы, города, и села нашей страны.

Увлеченно занимаются цветоводством ребята Верхнебрилевской и Ильичевской школ Гомельской области, школы № 33 города Гомеля, Ольхово-Рогской школы Ростовской области. Когда-то и они доставали семена где придется. Но это было началом. Сейчас же их пришкольные участки превращаются летом

в живые разноцветные ковры. Юннаты Ильичевской школы со своего цветника обеспечивают семенами и рассадой весь свой Рогачевский район. Ольхово-Рогская школа рассылает семена не только по своей Ростовской области, но и в самые разные области, края и республики.

Вырастить и собрать семена именно со своего цветника очень важно потому, что из местных семян вырастают более крепкие растения и цветут лучше. Они уже приспособились к местным климатическим условиям.

Выращивание семян — работа серьезная, требует особой тщательности, аккуратности и, конечно, знаний. Надо хорошо усвоить правила сбора. Приступайте к сбору семян, когда они вполне созреют. Для этого вам нужно знать, в какое время они созревают. В разных климатических зонах у одних и тех же цветочных растений это бывает в разные сроки.

В средней полосе в июле, например, готовы к сбору семена у алиссума, анютиных глазок, гипсофилы летней, гвоздики турецкой, горшка душистого, люпина, маргаритки, мака и незабудки и некоторых других. В южных районах семена этих растений созревают несколько раньше, а в северных областях в более поздние сроки. Поэтому каждой школе надо составить свой примерный календарь сбора семян в зависимости от местных условий. У вас получится интересный график. Сроки созревания у цветочных растений очень разные — начиная с мая и кончая глубокой осенью.

Помните, ребята, что лучшие семена те, которые взяты из первых плодов. Собирайте их только днем и в солнечную погоду. Делайте это не в один день, а постепенно, по мере их созревания.

Надо еще знать особенности некоторых растений. Например, у флоксов и анютиных глазок семена при созревании разбрасываются в разные стороны, поэтому очень важно не упустить нужный момент.

Дело чести каждой школы украсить свои родные места яркими цветниками и нарядными аллеями. И конечно, тем школам, которые только начинают осваивать цветоводство, на первых порах надо помочь.

Хорошо придумали некоторые станции юных натуралистов. Каждой весной они проводят весенние базары. В это время ребята из разных школ приезжают на станцию, обмениваются опытом выращивания цветов, делятся семенами, клубнями, луковицами и черенками.

Ребята, ваш юннатский кружок, каждый из вас может получить помощь на своей областной, краевой или республиканской станции юных натуралистов, проконсультироваться по любому вопросу выращивания цветов, сбора и хранению посадочного материала. А те, кто хочет поделиться цветочками, семенами с другими школами и кружками, — пришлите свои адреса.

Желаем успеха!

Л. ТЕРЕХОВА

История одного семейства

Память натуралиста нет-нет да извлечет из какого-нибудь тайничка историю давнюю, но забытую.

Во время сильной грозы в последних числах мая повалило ветром старую ель. Встречаются в лесах такие участки, где то там, то тут возвышаются громадные выворотни корней поверженных лесных великанов. В таком именно месте отстояла свой длинный век и наша ель. В одной из мохнатых лап дерева незадолго до гибели елки поселилась семья крохотных птичек — королек. Гнездышко свое, свитое искусно в виде плотной миниатюрной корзиночки, поместили королеку в

самом укромном, сухом и теплом участке еловой лапы, подвесив его к ней снизу так, чтобы густой свод ветви служил для гнезда и крышей, и надежной защитой с боков.

Каким-то чудом гнездо при падении дерева уцелело. А как выяснилось, в нем незадолго до случившегося вывелись птенцы. Вес королек, даже взрослого, равен приблизительно пяти граммам. Можно представить, сколь малы и беспомощны птенцы сразу же после рождения. Нежный возраст малышей не позволял им общаться с родителями с помощью голоса, а легкий пух слабо сохранял тепло. Гибель выводка, казалось, была неминуемой,

если бы не счастливое стечение обстоятельств. О гнезде на елке я знал и вовремя появился на месте происшествия. Вот так будто с неба свалилось мне в руки голодное семейство в одиннадцать ртов.

В теплых ладонях королеку быстро согрелись. Настойчиво тянули они вверх подрагивающие на тоненьких шейках слепые головки, едва слышно пищали и открывали рты. Следовало немедленно отыскать муравейник и раздобыть пропитание. Я взял выводок домой и более суток выполнял при нем обязанности няньки, все отчетливее осознавая, что попался в своего рода ловушку. Дело в том, что, к сожалению, я уже вышел тогда из того замечательного возраста, когда натуралист, тем более юный и, как следствие этого, более решительный, оставил бы, не задумываясь, все дела ради редкого счастья выкормить своими руками семью птичек. Четыре-пять раз в течение часа требовали птенцы пищи, ассортимент которой в таких случаях состоит как минимум из муравьиного яйца, мух, свежего творога и желтка куриного яйца...

Конец мая — начало июня — самая горячая, пожалуй, пора в природе, когда в семьях многих птиц дружно выклевываются птенцы. Вскоре приглядел я три гнезда и родителей, которых можно было бы приобщить к благородному делу спасения сирот. Первое гнездо принадлежало крапивникам. Нашел я его в выворотне еловых корней рядом с упавшим деревом. Два других гнезда — завирушки и пеночки-трещотки — понравились мне по той простой причине, что птенцы в них так же, как маленькие крапивники, едва освободились от скорлупы и, следовательно, уступали в возрасте юным королям. Обстоятельство это могло помочь моим подопечным привыкнуть к новому месту, облегчить их участь рядом с птенцами-хозяевами.

В несколько приемов, очень осторожно распределил я свой «детский сад» по новым семьям. Выводок крапивников возрос с шести до десяти птенцов. Чтобы вместить их всех в гнездо, мне пришлось слегка раздвинуть его стенки. К трем маленьким завирушкам я добавил также четырех королек. Трех оставшихся подселил к пеночкам — здесь общее число птенцов достигло десятка. Убедившись, что взрослые птицы во всех семействах приняли королек и кормят их, я вздохнул с облегчением. Но вскоре возникли неприятности. В тот же день гнездо завирушек разорили сойки. Возможно, это я, действуя недостаточно осмотрительно, навел птиц-разбойниц на легкую добычу.

Шло время. Каждый день находил я часок-другой, чтобы наведаться к своим подопечным, с особенным интересом наблюдая за семьей крапивников. Крапивник-мама собирала пищу для птенцов рядом с гнездом в кроне той же самой ели, в вывернутых корнях которой оно помещалось. Энергия и деловитость няньки королек внушали доверие. Присут-

ствие человека в районе гнезда давно перестало ее беспокоить. Напротив, крапивник-мама очень тонко подметила связь между моим приходом и подкормкой из муравьиных яиц, рассыпанной дорожкой вдоль ствола дерева. Нельзя, однако, было упрекнуть в недостатке усердия и родителей-пеночек. В обоих гнездах птенцы стали зрячими, быстро росли и оперялись. И тут и там птенцы-хозяева перегадали в весе «молочных» братьев и сестер и плотно захватывали в гнездах самые удобные места, оставив за королями лишь «верхний ярус» — свои спины. Час от часу становилось теснее в птичьих квартирках. Наступил девятый день пребывания осиротевших птенцов в роли подкидышей. Королекам исполнилось дней одиннадцать-двенадцать. В это утро я нашел их за пределами гнезда. Тонкие сухие веточки, точнее корешки, образовали над входом в него подобие козырька. Два королекча устроились там, вторая пара чуть сбоку, также на тонких веточках. В жизни птичек наступил важный момент.

Мама-крапивник проявила огромное терпение. Ее темперамент и выносливость составили бы честь любой другой и не в пример менее хрупкой родительнице. Крапивник-папа, однако, редко баловал вниманием семейство. Зато, появляясь в кругу семьи, он держал всякий раз в клюве добычу броскую, крупную: ночного мотылька либо внушительных размеров гусеницу и стремительно закидывал пищу в первый же подставленный открытый рот. Птенец между тем легко мог подавиться, тем более что перед летком гнезда разместились теперь королеку, ширина глоток которых уступает таковой у крапивников. Внешний облик птенца нисколько не смущал чрезмерно заботливого папашу, не тревожило его и то, что пищали королеку, принимая корм, совсем не так, как родные дети. Более остальных, так, во всяком случае, казалось тогда мне, беспокоило папу-крапивника другое: на месте ли мама, не мало ли у нее, бедняжки, забот? Справедливости ради скажу, что и крапивник-отец иногда приносил к гнезду пищу два-три раза подряд в течение нескольких минут, но потом исчезало надолго. Лишь задорная песенка его слышалась где-то в отдалении...

Весьма кстати решил я в тот день подежурить у гнезда и стал свидетелем события едва ли не самого знаменательного во всей нашей истории. Но здесь я должен внести ясность в дальнейшее изложение. Дело в том, что вместе с детьми королек-отец потерял также и подругу. Когда дерево падало, в последний миг сошла с гнезда отважная мать и, возможно, попала под удар еловой ветки. Королек с тех пор не нашел себе новой подруги, усердно распевал, широко разгуливая по закрепленному за ним участку леса. Летом взрослые королеку крайне редко спускаются с елей ближе к земле — разве для того только, чтобы попить и искупаться в луже либо за

травинкой — материалом для гнезда. Слетки их, оставив гнезда, держатся также в высоких кронах. Требуя у родителей пищу, птенцы пищат. Сойдя с гнезда, пищат они особенно сильно — отчасти чтобы не растерять друг друга в лесу, с другой стороны, чтобы родители знали, кто именно из рассредоточенных среди веток молодых голоден более других. Крики наших корольков, вышедших из гнезда, далеко разносились по округе. Родной отец не мог, очевидно, оставить их без внимания.

Мы расстались с корольком-отцом в начале нашего рассказа, а потому внезапная встреча с ним у гнезда застала меня врасплох. Услышав внизу голоса соплеменников, корольек стремительно слетел на ветку кустика и здесь зыстыл в задумчивом и настороженном оценении. Ситуация такого рода природой не предусмотрена. Еще ранней весной или в конце зимы (корольки зимуют в наших лесах) самцы поделили лес на персональные участки, чтобы позднее, когда на первый план выступают семейные заботы, как можно реже возникали между птицами-соседями территориальные недоразумения. Любое нарушение границ владения участка строго пресекается. Но гневу нашего королька не суждено было излиться: соперник отсутствовал, не оказалось поблизости и долгожданной партнерши — вместо них обнаружил корольек небольшую компанию молоденьких корольков, которых опекала птичка чужого вида. Именно это обстоятельство привело нашего самца в еще большее замешательство. Впрочем, очередная порция пищи, принесенная крапивником-мамой, вывела королька-отца из состояния задумчивости. Он решительно улетел.

Потом я вновь услышал его голос. Песня, однако, звучала сдержанно. Минут через десять он появился с небольшим пучком мелких зеленых гусеничек и после того, как мама-крапивник скрылась с глаз, слетел к королькам. Очень робко вложил он гусениц в рот птенцу, замер рядом с ним на долю секунды, затем отлетел на близкую ветку, почистил клюв и отряхнулся. Жизнь птички наполнилась вновь конкретным содержанием. Сироты нашли родного отца.

Корольек регулярно теперь кормил птенцов. Слетая к ним, сталкивался иногда нос к носу с крапивником-мамой, проявляя при таких встречах исключительную сдержанность в поведении, признавая как бы безусловное право ее на первоочередность в кормлении. Да и молодые корольки отдавали пока что при приеме пищи предпочтение матери-кормилице. Она все-таки являлась для них той первой взрослой птицей, с которой познакомились птенцы, когда прозрели.

Крапивник-мама, со своей стороны, получив в лице королька добровольного помощника в многотрудных заботах о потомстве, ничуть не изменила приемным детям в любви и привязанности. Возникая словно из-под земли из-за корней с пауком в клюве, жуком-щелку-

ном или другой добычей, в тот момент, когда возле корольков находился отец, кормилица выражала порой нетерпение, с независимым видом крутила вертикально вздернутым хвостиком, но задерживалась как бы невзначай в стороне, вела себя, одним словом, тактично либо спешила к гнезду, к родным птенцам. Даже крапивник-папа, два-три раза встретившись накоротке со взрослым корольком, не выказал в явной форме враждебных действий.

Вскоре, после того как юные корольки обрели родного отца, я решил объединить с ними тех птенцов, что жили на иждивении пеночек. Нашел я их неподалеку от гнезда в густой поросли молодых елочек. Пеночки-родители четко поделили обязанности: отец опекал главным образом корольков, а мать — своих птенцов, которые по-прежнему сидели в гнезде. Забрав подкидышей, я избавил семейство от лишних хлопот.

К вечеру (шел все тот же девятый день пребывания корольков в роли подкидышей) мне предстояло позаботиться о том, чтобы мои подопечные благополучно провели ночь. Срезав ту самую ветку, в которой было свито родное гнездо корольков, благо что дерево находилось рядом, я расширил нишу для ночлега. Сооружение поместил в крону ели, где жили корольки нынче, и собрал птенцов. Взрослые птицы быстро нашли их в новом убежище.

Корольки достигли уже того возраста, когда им полагалось спать, как взрослым птицам — сидя на лапках, но сбившись на ночь в тесную кучку (так, кстати, ночуют стайки их в зимнее время, сберегая тепло).

Ночь прошла без происшествий. Птенцы превратились в слетков, тяга к перемене мест окончательно овладела ими, к тому же как-то сразу вышли днем из гнезда маленькие крапивники. Не случайно и очень метко окрестил народ крапивника подкормником. Ловко лазая и прячась в переплетениях корней и комков земли, выводок остался в еловом выворотне. Корольек-отец никак не отреагировал на это событие.

Пути сводных выводков — крапивников и корольков — разошлись. Птенцы не нуждались друг в друге. Чуть позже днем корольки перебрались из кроны поваленного дерева на нижние ветки ближней к ним старой ели. Мама-крапивник и здесь не оставила их без внимания.

В течение многих последующих дней слышал я голоса своих бывших подопечных в высоких кронах. Птенцы уверенно летали в сопровождении отца. Связь их с семьей крапивников прервалась.

Так закончилась история, участником которой довелось мне когда-то стать. А на память о тех днях остались фотографии.

Н. НЕМНОНОВ

Кенгуру, но какие!

Первые европейцы, которые встретились с удивительным миром австралийской природы, были изумлены, увидев каких-то странных животных, быстро убегающих от них огромными скачками.

Конечно же, ими оказались кенгуру. Давно это было — в начале XVII века. Но, увидев кенгуру на дереве, многие удивляются и сейчас. Уж очень непривычно. А удивляться, собственно, нечему. Из множества видов этих сумчатых примерно пятая часть умеет лазать по деревьям. Они так и называются: древесные кенгуру. Самые маленькие из всех кенгуру достигают в длину, включая хвост, 45 сантиметров, а самые большие — гигантские — почти трех метров. Древесных же по размерам можно отнести к средним — до 60 сантиметров. Населяют они Новую Гвинею и северо-восток штата Квинсленд, причем в Австралии водятся всего два вида, и те сравнительно недавно проникли туда из Новой Гвинеи.

Все кенгуру — животные растительноядные. Древесные питаются почками и листьями растений, лианами, любят папоротники, ягоды и плоды. По земле бегают так же хорошо, как и обычные кенгуру — скачками, не менее ловко передвигаются и по ветвям, причем с деревьев спускаются только хвостом вниз. В процессе эволюции задние ноги у них укоротились и стали лишь немного длиннее передних. На всех пальцах имеются длинные, крючковатые когти, хорошо помогающие им цепляться за сучки и ветви. Древесные кенгуру довольно быстро лазают по деревьям, а иногда даже и скачут, как обезьяны. При необходимости могут совершать прыжки с большой высоты.

Живут зверьки небольшими группами, точнее, семьями: взрослый самец, несколько самок и детенышей. Большую часть дня проводят на верхних деревьях, погрузившись в сон, а вечером спускаются на землю, чтобы утолить голод и жажду.

Самки приносят ежегодно только по одному детенышу. Природа и здесь позаботилась о них: с двумя, как это часто бывает у наземных кенгуру, им на деревьях было бы просто не справиться. К сожалению, до сих пор на древесных кенгуру охотятся из-за вкусного мяса. Ценен и мех этих животных. В зоопарках они встречаются очень редко.

Е. СОЛДАТКИН

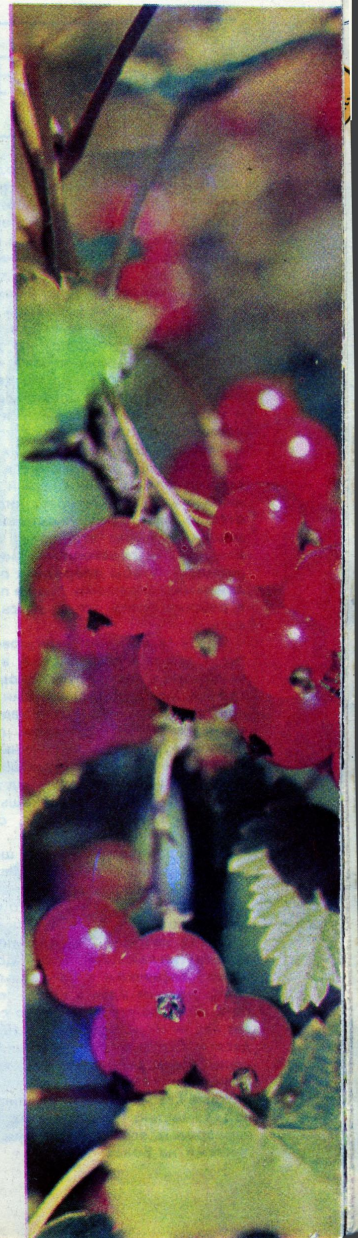

Фото Р. Воронова,
Р. Дормидонтова
и В. Ускова

Шедр август! Стоит войти
осторожно в лес, припод-
нять ветку, отодвинуть
лист — и вот оно, аромат-
ное лесное богатство. А в
саду какое раздолье! Гнут-
ся ветви под тяжестью яр-
ко-красных гроздьев, буд-
то зовут: вот мы, ягоды, вкус-
ные, прохладные...

Земляника.
Сыроежки.
Подосиновики.
Ежевика.
Красная смородина.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45

ТЫСЯЧИ ПОКЛОНОВ

За древним русским городом Дмитровом, чьи земляные валы и старинные храмы помнят времена Юрия Долгорукого, начались славные талдомские леса.

Временами проглядывало солнце, и чересполосица хмурого или жарко-солнечного неба, дождя и разогретых косоголовых становилась веселее, как только пошли эти плавные, поросшие смешанным лесом холмы и уютные долинки, написанные всеми оттенками зеленого — от нежно-салатного до угрюмо-черного цвета сумрачных елей и пихт.

На одном взгорье мы увидели группу ягодников: женщины из ближайшего села, одетые в туристские серо-зеленые куртки и наглухо обвязанные платками, несколько девочек и мальчишек, неотличимых между собой из-за полевой одежды, все в резиновых блестящих сапогах. Они сказали нам, что земляничные места начинаются километрах в пяти отсюда. Водители двух остановившихся рядом машин, услышав это, сразу же отправились вперед. Эти горожане-ягодники заметно торопились, чтобы опередить пешеходов с бидонами и лукошками. Мы не поехали за ними, а решили брать ягоду здесь, где остановились.

Сразу за придорожным кюветом нам встретился земляничный лист. А в десяти метрах от дороги, в лесу, в лучах снова выглянувшего солнца, между бриллиантами росы и дожденок, заглялись рубиновые капельки земляники, оттененные кружевом листа. Ягоды в листе казались более крупными, чем потом, когда сорвешь их. Присядешь на корточки — и взгляд отмечает сразу ягод двадцать в разных местах, но едва начнешь отыскивать их рукой, и они разбегаются, словно играя в прятки.

Мы медленно уходили от шоссе и убеждали, что здесь, на самой опушке леса, ягодники пока не побывали — видимо, все, даже местные жители, считали, что «возле огорода ягода не растет», и уходили подальше, вглубь, оставляя нетронутыми ближние поляны, закрайки петляющей лесной дороги, прогалы между соснячком и березовым колком.

Мы решили идти в глубь леса до тех пор, пока обильно ягодное место само не остановит нас — и оно остановило уже шагах в пятидесяти. Посреди поляны стоял старый обомшелый пенек, весь поросший, как осенью олятами, так сейчас земляничными стеблями. Каждый стебель почти без листьев склонился под тяжестью трех-четырёх темно-красных перезревших ягод с крупными желтыми крупинками на боках.

Земляника была прохладная, сладкая и густо-ароматная. Оглядевшись, я увидел, что вся поляна сверкает красными точками, будто кто-то рассыпал по земле оборванную с кистей рябину. Земляника была здесь крупнее, может быть, от соседства черничного листа, — давно заметил, что там, где растет целебная черника, соседка ее земляника и крупнее и слаще.

Самое долгое в сборе хоть ягод, хоть грибов — покрыть дно лукошка. А как только дно закрыто, дальше ягода сама идет. Мы неторопливо освобождали согнутые земляничные стебли от сладкой тяготы, они распрямлялись, как яблони, и я мысленно увеличил земляничный стебель до высоты яблоневого ствола — нет, земляника неслась гораздо больше тяжести плодов, чем яблоня. Ягоды покрыли дно как-то очень быстро. Меньше любой пуговицы, невесомые, они были необыкновенно пахучи, и вот уже из лукошка доносится до меня тонкий, все более отчетливо слышимый запах детства.

Разочаровавшая нас с утра дождливая погода стала большим подспорьем теперь: не так злы комары. Стоило протянуть руку к семейке стеблей, как спрятавшиеся под ними злыдни тут же облепивали пальцы, с недобрым сонным гудением — на звон у них не хватало сил — вились над головой. Такая уж охрана у красоты, вкуса и аромата земляники — гвардия «тощих дьяволов». Представляю, каково бы нам пришлось в жаркий солнечный день!

Мы продолжали брать ягоду и в дождь. Вскоре снова проглянуло солнце, заглялись солнечные прожектора, светившие из вершин, и на поляне, живописно чередуясь, легли полосы искрящегося света и теней от стволов. Распрямившись, я оглядел поляну. Хрупкая гармония ее была уже нарушена нами, тут и там были протоптаны тропки, на них серебрилась изнанка помятых листьев и трав, не сверкала больше роса.

Как недолго мы тут, а уже!.. Впрочем, оправдал я себя, у растительного мира необыкновенная способность к восстановлению. Вспомнить только, как растет трава на аэродроме, ежедневно сминаемая и сжигаемая самолетами, и снова прямо растет! А сколько раз приходилось видеть испученный и разорванный асфальт, толщу которого легко взломал невидный махонький росток, отпрыск соседнего дерева! Растения обманчиво слабы и обманчиво хрупки, и завтра эта поляна будет снова так же свежа и чиста, как до нас. Ученым не постигнуть до конца тайну самоочи-

щения воды, воздуха, восстановления растений, природы.

Гляжу на собравшиеся у корневища березы с причудливым капотом на боку земляничные стебли, резной папоротник, ромашку, несколько гляцевитых лепестков брусники и пытаюсь представить себя... муравьем. Наверное, у каждого было такое желание в детстве. Какие огромные все эти деревья! Какая мощь в каждом зеленом стволе, способном держать столь огромную для него тяжесть! Кто и что выдвинуло их из земли? И что такое сама почва, земля? А главное — для чего? Для чего все это, и лес, и папоротник, и земляника, и тысячи видов насекомых, и сам я в этом мире растений, и для чего каждой травинке, цветку, ягоде дана такая покрывающая красота? Ведь они столь кратковременны, а если рассмотреть их глазами муравья — так щедро разукрашены природой. Зачем, для чего? И как же украшен человек, жить которому отведено во много раз дольше?.. — от этих и других вопросов мир кажется необыкновенно огромным, неисчерпаемым и загадочным, непостижимым.

Нынче много заботы об охране природы. А мне на этой земляничной поляне пришла в голову и такая мысль: красота врачует, и если человек лишен возможности ходить босиком по росе, есть ягоды с куста, слушать вольных птиц каждый день, пить ключевую воду, то что-то непоправимое происходит не с деревом, поляной, примытым стеблем — нет, какая-то неизлечимая болезнь охватывает самого человека!

Земляника горда. Каждой невесомой мелкой ягоде человек кладет земной поклон. И почему она не растет, как виноград, гроздьями?! Земляника дразнит, перебегает с места на место, заставляет трижды обернуться вокруг себя, и вот уже звук моторов на шоссе идет не сзади, а спереди, и солнце светит с севера. Охранники лесной красавицы набираются смелости вместе с солнцем, свирепеют. Руки, щеки, уши зудят и опухают, и больше, чем укусы, ненавистен этот звон над ухом. Свело поясницу, ноют ноги, кожа пальцев онемела и побелела от дождевой влаги, какою осыпает каждый кустик, каждая травинка. И возникает малодушная мысль о привале. Но остановиться почему-то невозможно.

Вскоре наступило то известное каждому самозабывание, когда нет отдельно природы и отдельно тебя, а есть давно забытое тобой слитное единство. Я в воздухе, я в воде, я в лесу, я всюду, я — не я, а часть всего этого. И ощущение времени в лесу совсем иное, нежели в городе. Горожанин обычно может с точностью до минут определить время — в лесу же ошибется и на несколько часов...

И тут мы услышали впереди женские голоса.

— Лю-уда-а-а! — расплываясь в эхе, звал один голос.

— Аюшки! — звонко отвечал другой. И больше ничего.

Они ничего не хотели сказать друг другу, ни о чем спросить, они просто подавали сигналы, как птицы или рыбы, с единственной целью — уловить его отражение и таким образом определиться в этом мире, опознаться в пространстве.

И через какое-то время снова: «Лю-уда-а!» А в ответ: «Аюшки!»

Это ауканье уходило от нас то вправо, то влево, то приближалось, то удалялось, и мне казалось, что я даже видел впереди, между белоснежными стволами берез, что-то цветистое, но решил, что это красные капельки ягод уже мерцают мне меж стволами деревьев. Невольно думалось об этих ягодницах. Первая, по голосу пожилая, окликала неведомую Людмилу встревоженно. Второй голос был молод, певуч и несомненно принадлежал очень доброму и счастливому человеку. Бывает же такое — по одному голосу, по его тембру можно быть уверенным в самой душе человека, которого ты никогда не видел.

Лесная извилистая затравенная дорога вывела меня на новую поляну, поросшую остролистной травой попеременно с папоротником. Вспомнились сказки о чудесах, какие происходят, когда ровно в полночь расцветает папоротник. Вспомнилось и то, что такая трава и такой папоротник — соседи белого гриба, и Подмосковье славится белыми грибами. Лес вокруг был высокий и чистый, без подлеска и кустарников, и по закрайкам поляны росло много земляники. Но даже если бы ягоды тут вовсе не оказалось, мне не хотелось покидать эту чистую красивую поляну — она была как лесное озеро, проста и сказочно одновременно.

На высокой кочке, поросшей черникой и пышным нежным мхом, я увидел большой белый гриб. Его ножка оказалась вдвое длиннее, чем была видна, — половина ее утонула во мху. Я сорвал гриб и увидел, что ниже в кочке спрятана маленькая пещерка, вход которой заслоняли трава и черника, и в этой пещерке спят пятеро черных птенцов. Стоило протянуть к ним руку, как беззвучно открылись пять желтых клювов. Птенцы не видели меня, лишь почувствовали приближение чего-то теплого. И тихонько засвистела рядом незнакомая мне птица с солнечной грудкой. Она свистела не встревоженно, чтобы не привлечь моего внимания, а словно подавала детям тихий тайный сигнал опасности.

И тут я услышал пение. Это Людмила на другом конце поляны запела песню, мелодия и стихи которой были новыми для меня. И снова поразил ее голос! Труднее всего на свете описать аромат или звук. Никогда, даже в детстве не слышал я такого чистого голоса. Любое слово, произнесенное Людой, входило не в уши, а в душу. А как она смеялась! И смех и голос были необыкновенно чисты и мелодичны, и, не видя ее лица, я заведомо был

уверен: она оправдывает данное ей имя. Людям милая — Людмила.

Эта поляна, поросшая папоротником, эта кочка, служившая пьедесталом истинно царскому белому грибу, эта тайна гнезда, эта песня и голос — я давно не был так счастлив!

Но песня кончилась, и совсем рядом, на другом берегу поляны, послышался бесхитрый разговор ягодниц о том, что сил уже нету, а бидон надо добрать, как же возвращаться домой с неполным бидоном, а поясницу ломит — не разогнуться, мочи нет, и до чего же нравная ягода, но бидон уже не добрать, дождь идет, и ягода мокрая, в пальцах тает... Слушая этот разговор, я понял, что папоротниковая поляна была бы беднее без голоса Люды, как без этой кочки, этого гриба и гнезда в кочке.

Я развеж костерок, чтобы обсушиться — дождь не усиливался, но и не переставал, — и видел, как на другом берегу поляны, под раскидистой лиственницей с застывшими в неподвижной невесомости ветвями остановились на привал эти две ягодницы. Расстояние не позволяло рассмотреть их лиц, а подойти ближе значило невольно потревожить их, как потревожил я птицу, и оставалось лишь сожалеть о том, что так и не увижу лица той, у которой столь чудный голос.

— И как только такую ягоду могут на рынке продавать? — удивлялась Людмила. — Нет уж, я свою ни за какие деньги не отдам! Ох, ноги!.. А спина-то, спина!..

Пожилая спутница Людмилы вскоре стала звать ее в обратный путь, но та смеялась, — по-моему, ей самой нравилось смеяться и слушать свой смех, — смеялась и неизменно отвечала:

— Да погодите, дождь идет.

Или:

— Да еще чуть-чуть, ноги отдохнут.

Я понимал, что ей не хочется уходить вовсе не из-за дождя или усталости — ее удерживает здесь вот эта лесная красота.

И подумалось: если такая красота дана этим растениям, то, значит, в них, в их краткой жизни заключен смысл, и немалый. И ты, человек, обязан постичь этот смысл, эту красоту. Не торопись признавать ее случайной.

Вскоре ягодницы ушли. Когда мы вернулись к шоссе, нам казалось, что сейчас полдень, время обеда, но оказалось, семнадцать часов — так незаметно прошло время в лесу.

Наверное, всю жизнь меня интересовало, сколько же ягод в одном стакане? И вернувшись домой, я насыпал ягоды в стакан и потом терпеливо пересчитал их все. 306 ягод! 306 земных поклонов ее величеству землянике — гордой ягоде, лесу, вырвавшей ее, русской красивой природе. А всего мы набрали сорок стаканов, или двенадцать тысяч ягод... Двенадцать тысяч посных поклонов.

В. ФАРТЫШЕВ
Рис. В. Прокофьева

ОказыВаетСя

У лесоводов Латвии есть неписанный закон: вместо одного срубленного дерева посадить два молодых. Поэтому и не скудеют богатства лесных массивов, занимающие 40 процентов территории республики. Прошлой весной саженцы сосен и елей поднялись еще на 7 тысяч гектаров. А вот где именно им расти, лесоводам помог решить бриолог — специалист по мхам.

С каждой породой дерева соседствуют разные мхи. Так, в светлых сосновых борах они почти белые — это помогает мхам отражать солнечные лучи и тем самым сберечь влагу, а заодно защищать деревья от высыхания. Земной покров ельников — как бархатный. Здесь растут так называемые зеленые мхи. В березовых же рощах их не увидишь. Оказывается, дождь, стекающий по стволам, сильно насыщается минеральными веществами, а это не нравится мхам.

По характеру мшаника легко определить необходимые условия для любой породы деревьев. Ведь мох необыкновенно чувствителен и не терпит изменения внешних условий. Опытный бриолог по одному виду мха почти безошибочно может выбрать самые продуктивные породы деревьев для лесопосадки на каждом участке.

Несколько лет назад в Таиланде ученые обнаружили новый вид летучих мышей. Примечательно то, что найденное рукокрылое оказалось пока что самым маленьким млекопитающим на земле. Оно весит всего два грамма, длина тела около трех сантиметров, из них треть приходится на голову.

Животные эти бесхвостые, мордочка похожа на миниатюрное свиное рыло. Сравни-

Рис. В. Каневского

с успехом можно высаживать на лесозащитных полосах. Древесина идет на изготовление бумаги, применяется в качестве топлива и строительного материала. Листья — хороший белковый корм для скота, стручки можно есть сырыми или жареными. Считается, что ценность получаемой от леулены зеленой массы не уступает по питательным свойствам люцерне, однако по урожайности леуцена превосходит ее в 1,5—2 раза.

Дикобразы — зверьки средних размеров, с короткой, тупой мордой. Тело их поросло твердыми полыми иглами, которые достигают в длину 30—40 сантиметров. Больше, словом, ведут обычный для рукокрылых образ жизни.

Настоящим «рогом изобилия» оказалось тропическое мимозовое дерево леуцена светлоголовчатая, у которого ученые открыли множество полезных свойств. За шесть лет леуцена достигает высоты 20 метров при толщине ствола до 40 сантиметров. Самое главное достоинство дерева заключается в том, что его

тельно длинные и широкие крылья позволяют им свободно парить в воздухе. Летучая мини-мышь питается насекомыми, паразитирующими на крупном рогатом скоте, а также мелкими летающими насекомыми.

В дневное время летучие мыши прячутся в пещерах и ямах, а с наступлением темноты отправляются на охоту — словом, ведут обычный для рукокрылых образ жизни.

Настоящим «рогом изобилия» оказалось тропическое мимозовое дерево леуцена светлоголовчатая, у которого ученые открыли множество полезных свойств. За шесть лет леуцена достигает высоты 20 метров при толщине ствола до 40 сантиметров. Самое главное достоинство дерева заключается в том, что его

Сад в Переславле

Ребятам, живущим в центре европейской части нашей страны или на юге Сибири, наверное, кажется, что север от них далеко, где-то на границе тайги и лесотундры. Между тем, если сравнить наш климат с климатом Западной Европы, окажется, что у нас всегда значительно холоднее, чем, например, в Польше или в ГДР. У нас даже на Украине, за исключением ее южных областей и Крыма, холоднее, чем во многих западноевропейских странах. Вот и получается, что ребята Москвы, а тем более Ярославля или Вологды, живут на самом настоящем севере.

С конца октября и до начала мая раздеты наши лиственные деревья, — почти половину года живут они без листьев, и разве удивительно, что приспособились к этому лишь немногие: береза, осина, тополь, клен, ясень, липа... В иные зимы морозы у нас стоят сорокаградусные: вымерзают яблони, вишни.

А вот в Переславле есть сад, в котором растут южные деревья и кустарники: миндаль, айва, грецкий и маньчжурский орехи, амурский бархат, самшит, пробковое дерево, псевдотсуги из США и Канады, каштаны из Западной Европы и многие другие. Прижившиеся на севере, эти южане даже плодоносят. Одних только грецких орехов в иные годы снимают здесь до 100 килограммов с одного дерева! Что же это за чудо! Кто совершил его!

Живет в Переславле добрый «волшебник», заслуженный лесовод РСФСР Сергей Фе-

дорович Харитонов, и все знают его в этом городе и далеко за его пределами. Сергею Федоровичу за восемьдесят лет, но он подвижен и энергичен. Совсем недавно я встретил его после того, как он побывал в командировке в Москве и в Ленинграде.

В 1943 году раненого Сергея Федоровича вывезли с госпиталем через Ладогу из осажденного Ленинграда. В том же году он поселился на своей родине, в древнем Переславле. Во время войны организовывал заготовки дров для нужд фронта. А после войны был таксатором, топографом, лесничим... В пятидесятых годах увлекся акклиматизацией в Переславле южных и дальневосточных деревьев и кустарников. Первые растения-переселенцы раскинули свои ветви на его приусадебном участке, но очень скоро этого участка стало мало. В 1960 году по краям большого оврага был заложен фруктовый сад, затем посадили другие деревья, и площадь сада увеличилась до 50 гектаров. Около 600 видов разных деревьев и кустарников из Приморского края, из Японии и Кореи, с юга нашей страны, из Европы и Америки поселились в этом саду. Каждое дерево, каждый кустик посажены здесь руками Сергея Федоровича или при его непосредственном участии. Тропинки и ручейки проложены по его проектам, и по его же проекту овраг превращен в каскад из девяти прудов.

В такие преобразования понадобилось, конечно, вложить много труда, и на помощь «волшебнику» пришли переславские школьники. Теперь сад, заложенный Сергеем Федоровичем, называется Переславским дендросадам имени 40-летия пионерской организации, опытным полем школ Переславля и района. В саду проводятся работы по акклиматизации, селекции и генетике древесно-кустарниковых пород. Школьники сажают растения, делают прививки, собирают семена и плоды. Весной и осенью здесь по графику работают около двух с половиной тысяч ребят.

За школой № 1 закреплено шесть тысяч кустов черноплодной рябины. Пионеры вносят под эти кусты удобрения, осуществляют санитарный уход за ними и собирают урожай. Руководит юными садоводами этой школы Нина Васильевна Белоярова. Над тысячей молодых абрикосовых деревьев вот уже пять лет шефствуют пионеры школы № 7. В центре внимания ботаников, и в том числе зарубежных специалистов, находятся посадки ели и сосны из ста тридцати географических точек Советского Союза. За этими посадками под руководством Елены Андреевны Селецкой ухаживают пионеры школы № 2.

Руководят работами в ботаническом саду обычно преподаватели, а Сергей Федорович помогает им. Он живой пример бескорыстного служения природе Родины. Учась у него, Нина Никифорова после окончания школы

поступила в лесотехнический институт. Возможно, и другие ребята после работ в ботаническом саду свяжут с лесом свою будущую профессию.

С 1980 года Переславский дендросад открыт для приема туристов. В нем побывали уже многие наши и зарубежные ученые. Недавно площадь сада увеличена еще на тридцать гектаров. Растения на этом новом участке будут размещены по географическим признакам: это будут и участок научно-исследовательского института леса, и уголок ботанического сада. Экзотические растения пополнятся абрикосовыми деревьями, увеличится коллекция лекарственных растений.

Я побывал в дендросаду в мае. Показывал его сам Сергей Федорович. Между прудами, заросшими травой и кустами, шумели искусственные водопады, в ветвях деревьев пели птицы, над газонами порхали бабочки. Низенькие сибирские кедры тянулись к солнцу сильными молодыми побегами. Между рядами пышных сизо-голубых елочек, в густой зелени плотных кустов, почти у самой земли ярко алели крупные цветы айвы. Помню, я удивился тогда такому соседству, а Сергей Федорович сказал: «А как же в лесу-то!» В обычном нашем смешанном лесу вместе растут осины и ели, березы и сосны, а внизу крушина, бузина, бересклет, калина, малина, рябина... Все они не только борются за лучшую землю, за солнечный свет, но до поры до времени и выживать друг другу помогают: то от ветра уберегут, то от обильного снегопада, то от сильного мороза, — ведь в лесу всегда теплее, чем в поле. Вот и я здесь деревья и кусты по тому же принципу сажал. Поэтому они многие морозы выдерживают и плодоносят. А воздух какой! Вы чувствуете, какой воздух в нашем саду!»

Я заночевал у Сергея Федоровича, и мы поговорили с ним далеко за полночь. Говорил-то в основном он, а я только слушал и удивлялся. В доме его, можно сказать, и обстановки почти никакой нет: кровати, стол, стулья, изразцовая печь, книги и резьба по дереву, подаренная ему знакомыми скульпторами, — вот и все. Вся жизнь его, все мечты и вся работа за порогом дома. Там, где родным ему стало каждое дерево.

Живет он заботами не об одном лишь дендросаде. Печалит его судьба знаменитого Плещеева озера, — вырубил вокруг него леса, и начало оно мелеть, а ведь озеро это — национальная гордость России.

Удивительный человек — Сергей Федорович. Всю жизнь живет заботами земли, леса. Богатым приусадебным хозяйством не обладает, личной прибылью от дендросада не имеет, заработная плата у него самая скромная. А были бы все такие, как он! Да, пусть и не все, а просто многие. Вся бы земля сплошным садом была!

Р. ДОРМИДОНТОВ
Фото автора

Не подлежат замене

Главствующее место среди всевозможных кроличьих яств занимают концентрированные корма. Их много, они разные. Но все как один обладают наибольшей калорийностью, служат основным источником белков и минеральных веществ, поэтому в рационе кроликов не подлежат никакой замене.

Зерна различных злаковых и бобовых, жмыхи, шроты, отруби, комбикорма и корма животного происхождения (мясо-костная, рыбная и мясная мука, обрат, куколка тутового шелкопряда) — все это относится к концентрированным кормам.

Самые распространенные зерновые корма, которые дают кроликам, — это овес, ячмень, кукуруза, пшеница, горох, вика, чечевица, кормовые и соевые бобы, но лучший из них — овес. Эти корма, кроме овса, полезно давать кроликам в дробленом виде, так их удобнее добавлять в различные мешанки, к вареному картофелю, квашеной капусте, еялосу, посыпать сennую запарку. Если дробленое зерно

дают отдельно от других кормов, то его слегка увлажняют подсоленной водой.

Овес чаще всего дают зверькам в сухом виде. Но для разнообразия рациона, особенно в период откорма, овес лучше запаривать в слегка подсоленной воде или поджаривать.

Когда будете давать кроликам зерно, следите, чтобы оно было доброкачественным. Определить это нетрудно. У свежего, хорошего овса и ячменя зерна светлые, чешуйки блестящие, запах приятный, зерновой. Если же зерно тусклое, с какими-то пятнами и темными кончиками, значит, оно поражено плесенью, было подмочено. Давать его кроликам не следует. Нельзя кормить кроликов и затхлым плесневелым зерном или тем, в котором много различных примесей: личинок насекомых, ржавчины и головни.

Следите, чтобы зерно, заготовленное для кроликов, правильно хранилось. А то можно получить его хорошим, свежим, но сыпать в непроветриваемое сырое помещение и испортить. Хранить зерно нужно в сухом, хорошо проветриваемом помещении при низкой температуре.

Очень ценно для питания кроликов зерно бобовых растений. Но давать его нужно осторожно, понемногу. Помните, что бобовые предварительно нужно раздробить или размять, размочить и только после этого давать кроликам, смешивая с каким-нибудь мягким кормом: отрубями, вареным картофелем, комбикормом. Иначе у кроликов, особенно у

молодняка, может быть вздутие кишечника (тимпания).

Из жмыхов дают кроликам льняные, подсолнечные, конопляные, соевые. Маковый и хлопчатниковый жмыхи давать кроликам не следует. Они содержат вредные вещества. Правда, обезвреженным от госсипола хлопчатниковым шротом можно кормить кроликов, но нужно точно знать, что в нем не содержится госсипола больше 0,02 процента. Жмыхи богаты протеином, поэтому больше 15—20 граммов кролику давать их не следует. Малышам до двух месяцев давать жмых не рекомендуется. Перед тем как будете готовить жмых, раздробите его, запарьте, смешайте с картофелем и отрубями и только после этого раздайте корм кроликам.

Из отрубей кроликам лучше давать пшеничные, а крольчатам и тех немного. Иначе они хуже будут есть остальные корма и от этого ослабится деятельность желудка. Ржаные отруби можно использовать только в тех случаях, когда нет других, более питательных концентрированных кормов, да и то в небольших количествах. Совершенно очевидно, нельзя кормить кроликов несвежими отрубями. Темный цвет, затхлый и плесневелый запах, горький или кислый вкус говорят о том, что отруби испорчены.

Надо иметь в виду, что в концентрированных кормах мало необходимых для организма аминокислот, микроэлементов и почти нет некоторых витаминов. Поэтому кормление животных только зерном неполноценно.

Лучший вид концентратов — комбикорма. В них входят зерна нескольких видов, необходимые минеральные и витаминные добавки. Кроличий комбикорм превосходит по питательности зерно овса в 1,5 раза. Такой корм незаменим при необходимости повысить продуктивность животных.

Поэтому как можно больше нужно использовать для кормления кроликов комбикорма — рассыпные и гранулированные. Особенно хороши гранулированные. В их состав входит смесь полноценных концентратов, травяная и сennая мука, различные минеральные добавки и витамины. В гранулы добавлены различные биостимуляторы, антибиотики, противоконцидиозные препараты. Крольчата, если их кормить такими гранулами, меньше болеют, лучше растут.

Малышам, которых отсаживают от крольчих в 19—28 дней, нужно давать особый гранулированный корм — стартеры. По питательности и калорийности они ничуть не уступают кроличьему молоку. В их составе цельное сухое молоко, люцерновая мука, зерновые, соевый жмых, минерально-витаминные добавки и меласса, которая нужна для скрепления всей этой смеси в шарики-гранулы.

Очень удобны гранулированные корма: сразу на 4—5 дней засыпают их в кормушки.

Рассыпных комбикормов специально для

кроликов пока не готовят. Можно давать кроликам и те комбикорма, которые выпускает промышленность для поросят и телят. Но помните хорошенько: комбикорма, приготовленные для домашней птицы, ни в коем случае давать кроликам нельзя. В них содержатся дробленая ракушка, мелкие камушки и другие вещества, которые кроликам непригодны. Нельзя давать кроликам и те корма, которые содержат более 1 процента поваренной соли.

В районах, где развито шелководство, очень полезно кормить кроликов куколкой тутового шелкопряда. Куколку шелкопряда измельчают, запаривают в соленой воде и дают крольчатам по 5 граммов, а взрослым кроликам по 5—10 граммов в сутки.

Можно кормить кроликов и столовыми отходами: остатками каши, хлебом, макаронами, супом. Но в этом случае нужно быть очень строгими: продукты должны быть совершенно свежими и без каких-либо примесей. Хлеб следует давать только черствый или слегка подсушенный. В супы и жидкие каши можно добавлять отруби или комбикорм.

Многие минеральные вещества в достаточном количестве содержатся в кормах. Чем лучше качество основных кормов, особенно сена, тем меньше надо давать минеральных подкормок. Соль обычно дают с концентратами, увлажняя их подсоленной водой. Мел и мясо-костную муку добавляют в мешанки.

Костную муку можно приготовить самим, сжигая кости в печи до такого состояния, когда их можно будет раздавливать рукой. Желтые кости толкут и хранят в сухом месте.

В качестве витаминных кормов используют зимой хорошее сено, высушенное в тени, морковь, пекарские дрожжи, зелень пророщенного зерна. Чтобы вырастить такую зелень, нужно взять овес, клевер или горох, насыпать в неглубокие ящики, залить водой так, чтобы она только прикрыла зерно, и поставить в теплую комнату. Когда зелень вырастет до 10—15 сантиметров, ее срезают ножницами и дают кроликам.

Салат, шпинат, укроп тоже можно выращивать для витаминной подкормки крольчат. Эти культуры созревают за 20—30 дней. Их можно зимой выращивать в ящиках с землей.

Добавляют в корм кроликам и концентраты различных витаминов, которые выпускает наша промышленность. Прекрасный источник витамина А и Д — витаминизированный рыбий жир, витамина В₁₂ — препарат КМБ (кормовой концентрат метанового брожения) и ПАБК (культура пропионово-кислых бактерий, смешанная с ацидофильной палочкой). Источник витамина Д — животный стерол, витаминов группы В (В₁, В₂, В₆), РР, Н — дрожжи, а холина — холинградат и гидрохлорид бетанин.

Чем полноценнее будет кормление кроликов, тем меньше они будут болеть, лучше расти.

В. САНИНА

Рис. Г. Павлишина

ЗОЛОТАЯ РИГМА

Всеволод СЫСОВЕВ

В издательстве «Советская Россия» увидела свет книга избранных произведений дальневосточного писателя Всеволода Петровича Сысоева «Золотая Ригма».

Почти полвека отдал автор книги служению уникальной природе советского Дальнего Востока, в климате, флоре и фауне которой неповторимо сочетаются черты сурового Севера и благодатных южных субтропиков. Руководитель охотоведческой службы Хабаровского края, организатор расселения пушных зверей, видный музейный работник, педагог и естествоиспытатель В. Сысоев проехал и прошел бесчисленные километры дорог, охотничьих и звериных троп, водных путей по тайге, лесостепи, тундре, пристально, как ученый и писатель, изучая жизнь зверей и птиц, населяющих бескрайние просторы Приамурья.

Писательская судьба Всеволода Сысоева сложилась удачно. Его первую книгу об охоте в Хабаровском крае, увидевшую свет в 1950 году, тепло встретили читатели. Сейчас у него уже около двух десятков книг. Журнал «Юный натуралист» уже рассказывал о Всеволоде Петровиче Сысоеве (см. № 1, 1980 г.).

Новая его книга состоит из трех повестей — «Золотая Ригма», «Повесть о гималайском медведе», «Амурские звероловы» и пяти рассказов.

Каждое произведение написано ярко, с большим мастерством. Они рассказывают о жизни зверей: кормлении и воспитании детенышей, воссоздают острые эпизоды борьбы за существование и выживание. Примечательна судьба Золотой Ригмы (так зовут тигрицу, отловленную в Приамурье). Она хорошо поддалась цирковой дрессировке, но на гастролях в Хабаровске, оказавшись во время сильного тайфуна на свободе, ушла в родную тайгу, где вновь приспособилась к жизни на воле.

С большой симпатией автор пишет о людях — охотниках и потомственных звероловах, которые с немалым риском отлавливают тигров и других редких зверей для цирков, отечественных и зарубежных зоопарков.

В книге много рисунков. Акварельные иллюстрации Геннадия Дмитриевича Павлишина восхищают не только своей высокой художественностью и лиризмом, но и глубокой научной достоверностью отражения природы.

Предлагаем читателям отрывки из книги В. Сысоева «Золотая Ригма».

С. ШАПИРО, профессор

В НОВОЙ СЕМЬЕ

Осиротевшая Ригма в течение нескольких дней ничего не ела. Ночевала она в старых кабаньих гайнах. Прошло две недели. Желудок все настойчивее требовал пищи, но добыть себе на обед оленя или кабана Ригма еще не умела. К счастью, в ту зиму в лесу водилось много полевков. Стоило Ригме остановиться и прислушаться, как в то же мгновение до нее доносился шорох. Это под снегом суетились короткохвостые мыши. И хотя Ригма принадлежала к лесной «знати», она была прежде всего кошкой. Может, именно поэтому она не пренебрегала лесными мышами и ловила их во множестве.

Как-то ночью ей посчастливилось поймать зайца. Испугавшись лисы, косой сам приска-

кал к ней в лапы. И все же для изголодавшейся молодой тигрицы это были крохи.

Поселившись в районе, облюбованном кабанями, Ригма ходила по их тропам. Она много раз видела пасущийся кабаньих табун, близко подкрадывалась к нему, но боялась схватить даже поросенка: вокруг, громко чавкая, поблескивая грозными клыками, ходили крупные секачи. Однажды Ригма подошла к гайну, с которого только что встала свинья с выводком поросят. Кабанье гнездо, высланное вейником, густо пахло и еще хранило тепло. Риг-

Занижки
натуралиста

ма прилегла на мягкую подстилку и от удовольствия зажмурилась. Дремоту мгновенно прогнал шорох легких шажков приближающегося зверя. Ригма припала к земле и вся превратилась в слух и зрение. Вскоре она увидела, что по тропе бежит маленький поросенок.

Впервые в жизни самостоятельно овладела Ригма добычей, достойной ее «царского» происхождения. За три дня она съела поросенка с кожей и костями голышками и почувствовала прилив сил и уверенности.

Случилось, что Ригма вышла на свежие следы незнакомых ей тигров. Старая тигрица с двухгодичными тигрятами переходила в новый район охоты. На ее тропе оставалась недооцененная добыча, которой и пользовалась Ригма, отгоняя ворон и мелких зверушек. Вскоре тигрица обнаружила Ригму. Удостоверившись, что перед ней тигренок, она не стала его преследовать. Тигрята хотели наброситься на незнакомку, но когда поняли ее доброжелательные намерения, стали заигрывать с ней, как бы приглашая следовать за собой. Вскоре Ригма вошла полноправным членом в новую семью, разделяя с ней все успехи и неудачи лесных охотников.

Старая тигрица, заменившая мать Ригме, была доброй мачехой. Она не обижала сироту. Лаская своих взрослых детей, уделяла ей нежности отнюдь не меньше, чем им. При удачной охоте уступала Ригме лучшую часть добычи и не позволяла своим тигрятам обижать ее.

Тигры жили дружной, веселой семьей, устраивали коллективные охоты, во время которых Ригма училась у старших, как выслеживать оленей и кабанов, подкрадываться к ним и мгновенно умерщвлять. Гора, где жили тигры, редко посещалась охотниками. Она носила краткое и странное название Ко, данное ей удэйцами. Ригме казалось, что, кроме человека и собак, у тигров нет врагов и все четвероногие обитатели Сихотэ-Алиня боятся старой тигрицы, владычицы лесных дебрей. Вскоре она убедилась в ошибочности своего мнения.

В ту зиму во всех окрестных лесах из-за недостатка пищи большие бурые медведи не залегали в обычную спячку. Один старый шатун неотступно следовал за тигриной семьей, подбирая остатки их пиршеств. Медведь был худ и подслеповат. Черная тусклая шерсть свешивалась с его туловища длинными клочьями и местами сплпалась от кедровой смолы. Когда он шел по утопанной кабаньей тропе или по льду речки, длинные когти передних лап, выступавшие на добрый десяток сантиметров, зловеще выстукивали, как кастаньеты. Его вечно пустой желудок мог с успехом переваривать все, что попадало ему на зубы: зимний хвощ и траву, мясо кабана и его кости. Не гнушался он и падалью, грабил запасы охотников и припрятанную ими добычу. Большую часть найденного он съедал на месте, а что не мог проглотить, утаскивал и прятал про запас в укромных местах. Он имел прекрасное

чутье, по интонациям вороньего крика мог определить, есть ли пожива у этих черных кумушек. Шатун не терпел себе подобных и жил мрачным отшельником. Сколько было ему лет, никто не знал. Очевидно, он был убежден, что является «старейшим», хозяином сихотэ-алинских лесов.

Избегая встречи с тигрицей, бродяга не испытывал страха перед ней. Он просто не хотел заводить ссору, зная остроту тигриных зубов и когтей. Его вполне устраивала жизнь захребетника. Но если с главой семьи он обходился почтительно, то Ригму не терпел и однажды, застигнув ее за поздним завтраком, с ревом набросился на нее. Не раз отгонял медведь от добычи и взрослых тигрят. Они огрызались, но боялись трогать своего обидчика.

Шатун до того обнаглел, что как-то явился незваным гостем прямо к «обеденному столу». Тигрица, не успевшая утолить голод только что убитым изобром, с яростью напала на медведя. Она ловко награждала пришельца сильными ударами передних лап, но пустить в ход свои смертоносные клыки не решалась, боясь попасть в железные объятия шатуна. Медведь, издавая оглушительный рев, принимал угрожающие позы: шерсть на его загривке встала дыбом, он выпускал длинные крепкие когти, загребая ими в воздухе. Очень не хотелось ему сражаться с ловким и опасным врагом, он лишь старался поскорее отпугнуть тигров от их добычи, источавшей столь аппетитный запах, что слюна, наполнявшая ему рот, падала на снег. По натуре, как и все медведи, шатун имел очень упрямый нрав и, когда нужно было добыть любимую и вкусную пищу, мог переносить сильное физическое напряжение и боль. Ссора могучих хищников сихотэ-алинских лесов перешла в настоящую битву. Оба врага были чрезмерно голодны, а посему никто не хотел уступать. По законам тайги посягать на чужую добычу мог только сильнейший. Это поняли взрослые тигрята и, желая помочь матери, тоже начали теснить медведя. Видя, что его атакуют уже три тигра, медведь начал пятиться, прижимаясь задом к толстым деревьям, и вскоре оставил поле боя. Победителями на этот раз оказались тигры, но Ригма убедилась: кроме человека, нужно опасаться больших бурых медведей.

В середине зимы табуны кабанов перешли в распадку, густо поросшие зимним хвощом. Тигры облюбовали крутые солнечные склоны близлежащих сопок и изредка делали набеги на кабаньи стада. Насытившись, тигрята любили валяться на земле, устланной прошлогодними листьями. Они грелись под скудными лучами зимнего солнца. Желая хорошо выспаться, Ригма разыскивала старые брошенные гайна кабанов. Выстланные сухим вейником и размочаленными ветками, эти большие гнезда были мягкими и сравнительно теплыми убежищами.

Даже тридцатиградусные морозы были не

страшны тиграм. Природа позаботилась об этих теплолюбивых животных: длинная шелковистая шерсть и довольно толстый слой жира под кожей надежно защищали их от стужи. В самую холодную часть суток — ночью и в предрассветные часы тигры бодрствовали. Они совершали обход своих владений, охотились. Тигрята играли и резвились с Ригмой. На деревья они не лазали, но валежины и полуповаленные ветром стволы привлекали их к себе: звери забирались на них, осматривая с высоты лесные дебри. С наступлением дня они выбирали место для отдыха и, пригревшись на солнцепеке, чутко дремали.

НЕ РАД ВЕСНЕ МЕДВЕДЬ

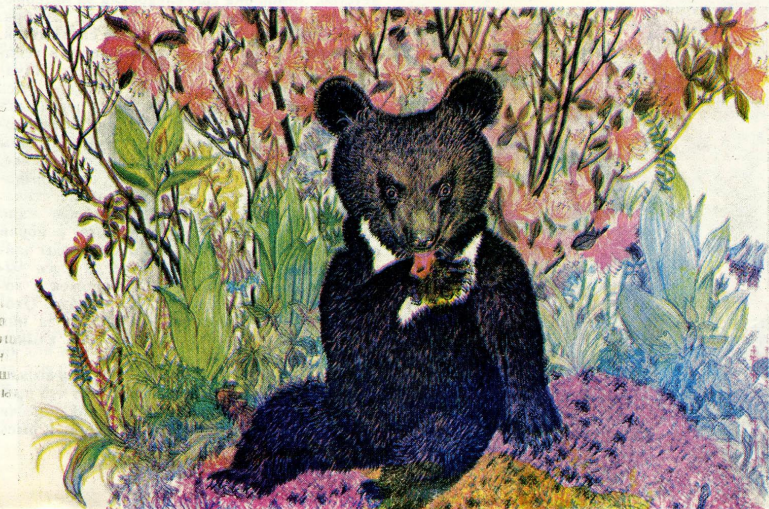
Выйдя на солнцепечный склон сопки, медвежья семья остановилась на поляне у скалистого обрыва. Здесь было тепло и затишно. Шуршащие под лапами прошлогодние листья дуба и липы источали терпкий запах. Медвежата, пригретые солнцем, улеглись на мягкой узколистной осоке, а медведица занялась поиском пищи. Она наелась зеленой травы, сохранившейся под снегом с минувшего лета, вернула два гнилых пня, но, не найдя мурьев, начала грызть и царапать березу. Затем она принялась слизывать выступивший сок, однако скудная растительная пища не насытила ее. Тщательно обнюхивая землю, медведица разыскала норку бурундука и принялась ее раскапывать. Мешавшую молодую елочку она вырвала с корнем, а крупный камень сдвинула в сторону. Плохо оттаявшая земля поддавалась с трудом, мешали корни деревьев,

но там, где не помогали когти, шли в дело клыки. Долго и упорно работала медведица. Рядом вырос большой бугор желтого суглинка, прежде чем она достигла кладовой бурундука. Давно проснувшийся от зимней спячки хозяин норы не бедствовал — накопленный еще с лета и осени запас мало поубавился за зиму. Чего здесь только не было! Блестящие, словно коричневые кремешки, желуди; маслянистые кедровые орешки, которых бурундук натаскал в защечных мешках из кедрача; крупные морщинистые, с крепкой, словно костяной, кожурой маньчжурские орехи; круглые семена липы. Добравшись до кладовой лесных деликатесов, медведица чуть было не схватила заставшегося в норе хозяина. Прощмыгнув между медвежьих лап, бурундук взобрался на сухой сук клена у своей норы, нахотился и заплакал. Так и просидел он весь остаток дня на суку, не спуская глаз с медведицы, поедавшей его богатства. Утолив голод, медведица накормила медвежат молоком и забилась с ними в густую поросль молодых пихт. Здесь было не так тепло, как в берлоге, медвежата мерзли, скулили, медведица прижимала их к своей груди, накрывая широкими теплыми лапами.

Медвежата тем временем прибавляли в весе, черная шерстка на них густела, становилась блестящей.

Теперь Белоградный не ощущал слабости в лапах, он проворно взбирался на полуповаленные деревья и вступал в борьбу с братишкой.

Стояла сухая, ясная погода. Солнце полетнему припекало на южных склонах сопки. Деревья покрылись зеленой дымкой, а оттаявшая земля выметала светло-зеленые побеги трав. Проснулись бабочки, прилетели верти-

шейки и горихвостки. Однажды Белогрудый нашел большой муравейник. Юркие муравьи были заняты ремонтом обвалившихся зимой ходов. Белогрудый высунул было язык, чтобы слизнуть аппетитно пахнущих насекомых, но получил целый залп едкой кислоты в нос. Фыркая, он поскреб лапой муравьиную кучу, но, как ни старался, его когти захватывали только горький мусор. Вздурораженные муравьи ринулись на своего обидчика, облепили его лапы, живот, морду. Белогрудый сперва растерялся, но, обливаясь лапы, он захватил несколько муравьев и тут же тщательно их разжевал и проглотил. Хрустящие кислотные насекомые пришлись ему по вкусу. Медвежонок смекнул, что к чему. Теперь он умышленно клал передние лапы на муравейник и, когда они густо покрывались отважными насекомыми, слизывал их языком и проглатывал.

Так первой живой добычей Белогрудого стали муравьи. Хотя медведица всячески избегала встреч со зверями, опасными для ее слабого потомства, Белогрудый, неоднократно наказываемый матерью за непослушание, чуть было не попал в лапы своего угрюмого отца, жившего неподалеку отшельником. Почуввав недоброе, Белогрудый проворно полез на кедр. К своему ужасу, он заметил, что незнакомый медведь тоже лезет за ним. Подняв плач, Белогрудый запрятался в густой кроне кедра. Прибежавшая мать с грозным рычанием поднялась по толстому стволу дерева и укусила медведя за заднюю лапу. Взревев от боли, медведь поспешно ринулся вниз с кедра, чуть не столкнув медведицу и, как только коснулся земли, бросился наутек. Справиться с рас-

серженной медведицей, защищающей детей, не под силу даже большому медведю. Материнский инстинкт удваивает смелость.

После этого случая Белогрудый при малейшей опасности проворно забирается на первое попавшееся дерево и терпеливо отсиживался, пока мать не отводила врагов подальше. Иногда ему приходилось дожидаться здесь наступления темноты. Бесшумно появлявшаяся медведица подавала голос, и Белогрудый с нетерпеливой поспешностью покидал свое удобное убежище, с благодарностью, ласково прижимаясь к матери.

РЫСЬ

Она была одета в теплую пушистую шубку палево-дымчатого цвета, по которой отчетливо проступали черные пятна. Короткое, на длинных ногах туловище можно было назвать грациозным, но словно обрубленный хвост и квадратная голова делали ее неприглядной. Длинные черные кисточки волос на ушах в сочетании с хорошо выраженными баками придавали ее морде свирепое выражение, особенно усиливающееся в ту минуту, когда она пристально смотрела своими желтыми немигающими глазами на какой-нибудь предмет. Распространенное мнение о теплолюбивости кошек она не оправдывала: легко переносила даже сорокаградусные морозы.

Рысь ведет ночной уединенный образ жизни, поэтому редко попадает в глаза людей. Этому способствует хороший слух и острое зрение.

Родилась рысь весной в высокоствольном лесу. Кроме матери, в ее воспитании принимал участие и отец, приносивший в логово пойманных рябчиков и поросат. С летом ушло и детство. Зимой она еще следовала за матерью, которая, убив козулю или теленка изюбра, громким криком подзывала к себе своих детей. Но в конце зимы мать оставила детей и уединилась с отцом в глухом лесном месте. Началась самостоятельная жизнь. Молодую рысь потянуло к странствиям. Она легко переплыла большую реку, долго шла низинной по заболоченным лесам и, облюбовав северные склоны невысоких сопок, поселилась в густом ельнике.

Охотясь в сумерках и по ночам, она добывала полевок и гнездившуюся на земле птицу. Но больше всего любила зайцев; жаль только, что их было очень немного, а порой они и вовсе исчезали. В дождливые годы зайцы и мыши переводились, и тогда рысь вынуждена была нападать на кабарожек и козулю и даже на молодых самок изюбра. Охотилась она и на поросат, но обычно за них заступались старые свиньи и секачи, клыков которых рысь боялась.

Однажды, идя по гребню сопки, рысь вышла на кабанью тропу, по которой только что прошел табул. Резкий запах желанной добычи дразнил обоняние голодного хищника, и рысь

прилегла на поваленном дереве в ожидании, не пробежит ли по тропе отставший от табуна поросенок, с которым легко можно справиться. Долго лежала рысь в своей засаде, прежде чем услышала слабый шорох на тропе. Поднявшись из-за крутого косогора на бугор, она оцепенела от неожиданности: по кабаньей тропе вместо ожидаемого поросенка осторожно шагал охотник, краившийся за ушедшим табуном. Немигающие совиные глаза рыси встретились на мгновение с глазами охотника, и прежде чем он успел вскинуть к плечу ружье, рысь прыгнула в сторону и, не задев ни одного сучка, растаяла в лесной чащобе, как призрак. Это была ее первая неожиданная встреча с человеком.

Наступил март. Исчезли под глубокими сугробами полевики, не было и зайцев. Теперь рысь караулила на звериных тропах робких кабарожек. Лежать на снегу было не только холодно, но и бессмысленно: на белом фоне она казалась черной, легко заметной. Поэтому рысь охоту ложилась на валежнике или полуповаленном дереве, лишенном снега, и терпеливо ждала свою добычу.

Как-то вместо кабарожки к ней приблизилась молодая изюбра. Он показался ей не особенно крупным, и рысь прыгнула на спину оленю и запустила свои острые зубы и когти в его загривок. Кровь брызнула из-под ее клыков, но олень не упал. Развернувшись, он в ужасе шарахнулся в сторону, неся на своей спине цепкого ездока. В чаще, пронось под ветвями, он скинул рысь и умчался прочь. Но попробовавшая теплой крови рысь впала в неистовое возбуждение. Несмотря на неудачу, она пошла по следу оленя. Глубокий снег, проваливавшийся под тяжестью изюбровых копыт, лишь слегка оседал под широкими лапами хищницы. К концу ночи рысь догнала изюбра. Почуввав своего преследователя, олень снова убежал от рыси, но с каждым броском он все ближе и ближе подпускал к себе своего врага...

Взошло солнце. Кружившиеся над лесом черные вороны оповещали мир о найденной ими пище: под кедром лежал растерзанный рысью изюбр. Вывев половину бока у своей жертвы, рысь ушла на лежку, оставив большую часть недоеденной добычи воронам и колчанам. В природе ничто не пропадает даром!

...Медленно поднимаются на сопку друг за другом два охотника. Их широкие, подшитые камусом лыжи почти не проваливаются в рыхлом снегу. На сворках понуро бредут собаки, не похожие ни на лаек, ни на гончих. Им так хочется побегать в лесу. Отпусти их хозяева хоть на минуту, они сразу найдут кабанов или увяжут за изюбрами. Но их привели в лес за другим: охотникам нужно поймать живую рысь для зоопарка. Они уже третий день ищут след этого нелюдимого зверя. Но что это за вмятины на снегу под дряхлым тисом? Один из охотников подходит к следу и подзывает другого.

— Рысь,— шепчет он,— след теплый, никак отдыхала. Вспугнули мы ее.

— Давай пустим собак,— предлагает другой.

И вот, освободившись от надоевших поводков, собаки, тычась носами в отпечатки рысьих лап и виляя хвостами, умчались в лес.

Тяжело было пресытившейся рыси уходить от собак. Задержавшись у огромного выворотня, она попыталась дать бой своим преследователям, но собаки оказались столь сильными и напористыми, что чуть не повалили ее. Не охладили их и болезненные удары широких лап рыси с выпущенными острыми когтями. Окровавленными мордами тыкались они в своего врага, норовя вцепиться клыками и оглашая лес хриплым лаем.

Что было силы спешили охотники на лыжах к месту схватки, но не успели. Вырвавшись от собак, рысь огромными прыжками понеслась по косогору. Собаки следовали по пятнам. Они проваливались в снегу глубже рыси, но были неумолимы в преследовании. Рысь поняла это и, спасаясь от свирепых псов, заскочила на старый дуб. Ровный лай с одного места говорил охотникам, что собаки загнали зверя на дерево; теперь можно было не торопиться.

Один из охотников, достав из запячного мешка топор, вырубил длинную жердь и шел с ней наперевес, как с пикой. Подойдя к дереву, на котором укрылась рысь, они привязали собак и стали готовиться к поимке зверя. Сделав на длинной веревке петлю, они достали просторный мешок, мягкие вязки и матерчатый колпак на голову зверя. Один из них полез на дуб, в развилке сучьев которого устроилась рысь. Добравшись до первых сучьев, он взял в руки поданный шест и, приладив к его концу петлю, попытался набросить ее на голову зверя.

Шипя и фыркая, рысь отталкивала от себя шест, сдерживала лапой настороженную петлю, но охотник настойчиво добивался своего. Один раз рысь так сильно ударила лапой по шесту, что выбила его из рук человека. Пришлось все повторять заново. Потеряв терпение, охотник толкнул зверя шестом в живот. Испугавшись, рысь поднялась выше, уцепилась за основной ствол дерева всеми четырьмя лапами. Не медля, поднялся за ней охотник и, ловко набросив на ее голову веревочную петлю, кинул на землю шест. Нелегко было оторвать рысь от шероховатой коры дерева, сдернуть ее на землю. Отчаянно сопротивляясь, она не хотела разжать своих светлых цепких когтей.

Еще рывок — и бухнувший в снег зверь, накрытый телогрейкой, придавлен к земле. Навалившиеся охотники быстро связали рысь лапы, ловко надели на ее голову колпак и посадили пленницу в мешок. Бешено колотилось сердце в рысиной груди. Но не было сил и возможности сопротивляться. Она была теперь во власти человека и смирилась с этим.

«ЕЖИК»

Лена ДЕМЬЯНЕНКО,
Запорожская область

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Э. Корнячев. Партизанский проспект	1	Б. Сергеев. Муравей крупным планом	24
Салют, мир!	4	Л. Терехова. Для праздничных букетов	27
Д. Житнёв. Озеро у «Золотой горы»	6	Н. Немново. История одного семейства	28
Лесная газета	10	Е. Солдаткин. Кенгуру, но какие!	31
В. Истомин. За деревьями — лес	14	В. Фартышев. Тысячи поколов	34
Клуб Почемучек	18	Р. Дормидонтов. Сад в Переславле	38
		Советы	40
		Записки натуралиста	43

НАША ОБЛОЖКА:
На первой странице — юный грибник (фото Р. Дормидонтова); на второй — олени (фото И. Сухова); на четвертой — козодой, сорокопугы-жуланы и зарянка (фото М. Штейнбаха).

В номере использовано фото из журнала «Natural history».

Главный редактор А. Г. РОГОЖКИН

Редколлегия: Виноградов А. А., Клаумов С. К., Дудкин В. Е., Маслов А. П., Мухоморов В. И., Орешкин А. М., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Пономарев В. А., Рахилин В. К., Серебрякова Т. И., Синадская В. А., Чашарин Б. А. (ответственный секретарь).

Научный консультант профессор, доктор биологических наук, член-корреспондент ВАСХНИЛ Е. Е. Сыроечковский

Художественный редактор В. Ю. Есаулов
Технический редактор О. И. Бойко

Рукописи и фото не возвращаются

Сдано в набор 01.06.84. Подписано в печать 03.07.84. А08097. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 3 240 000 экз. Заказ 967. Цена 25 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушеская, 21.

НАШ АДРЕС:

Телефоны: 285-88-03,
285-89-67

Ответственный момент — сбор урожая. Если плоды срывать аккуратно, не повреждая их, то они лучше хранятся. Придумано много различных приспособлений, которые помогают собирать груши и яблоки. Длинный шест, проволока, сетка или какая-нибудь материя, слесарные тиски или плоскогубцы — вот и все необходимое для того, чтобы сделать плодосъемники, изображенные на рисунках 1, 2а, б.

Собранные плоды можно переработать: сварить варенье, приготовить компоты. Хорошо их и посушить. А чтобы механизировать этот, хоть и не совсем сложный, процесс, нужно сделать резак (3а) — специальное устройство для разрезания яблок на дольки шириной 3—7 мм. Для удобства работы раму с параллельно установленными ножами в исходное положение поднимает пружина, укрепленная на резаке. Нарезанные плоды следует нанизать на спицы из нержавеющей стали или капроновые нити (3б) и укрепить их на сушилке (3в). Козырек, установленный над рамой сушилки, защищает плоды от дождя.

Следующие самоделки предназначены для тех, кому предстоит осенью собирать богатый урожай облепихи. Садоводы знают, что срывать ее плоды не так-то просто. Помощницей может стать обыкновенная брезентовая рукавица, к которой пришит мешочек, укрепленный на проволоке (5). Сверху над мешочком закреплена полукруглая металлическая гребенка. На большой палец нашит кусочек кожи. Когда ладонь захватывает ветку с плодами, проволока, на которой укреплен мешочек, выгибается и он открывается. Пропустишь ветку между большим пальцем и гребенкой, и все ягоды окажутся в мешочке. Распрямишь ладонь, мешочек закроется. Можно сделать и так. У старой перчатки отрезать три пальца, пришить кожаный язычок (4а) и к нему прикрепить капроновое кольцо, вырезанное из коробки из-под стиральной пасты (4б). На кольцо липкой лентой укрепите полиэтиленовый мешочек (4в, г). С помощью такой перчатки (4) удобно собирать и черную смородину, крыжовник, аронию.

Индекс 71121
Цена 25 коп.

ISSN 0205—5767

